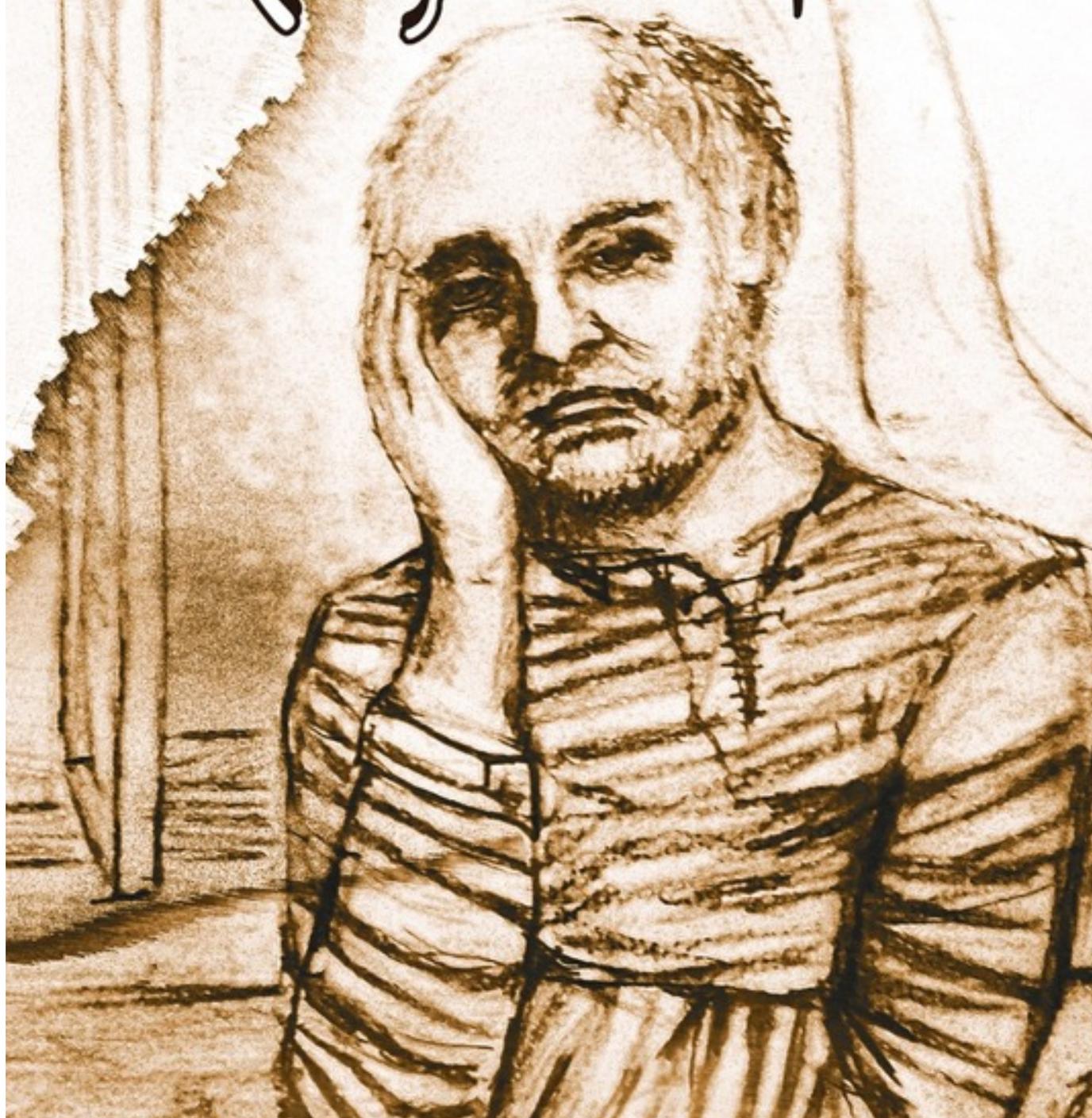

Алексей РОЗЕНБЕРГ

Куншт-Кам

Зал первый

Алексей Розенберг
Куншт-камера. Зал первый

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17805244

ISBN 978-5-4474-5989-5

Аннотация

Сотни страниц забавных кунштюков, годных для того, чтобы, к примеру, скоротать время в дороге, или, там, еще где. Посмеяться от души, поднявши тем самым себе настроение и прибавив лет к жизни. Да и, на худой конец, можно обидчику к голове приложить, или на растопку печки – вполне прилично бумаги выйдет.

Содержание

Айседор Дромидондович	6
«А я что – а я ничего»	7
Хамовитый покойник	8
Аджика	9
Ценители	10
Алхимическая свадьба Исидора Луначерчивича	11
Странное амбре	12
Анекдот	13
Старый пенъ	14
Смерть от водки	16
Профессиональный анонимщик	17
Апокалипсис	18
Необыкновенный желудок	19
Арест Ореста	20
Злосчастная оливка	21
Баллистическая теория	22
Без обмана	23
Известная планета	24
Белиберда	25
Удивительные Белянские	26
Берсерк	27
Туняец	28
Бессмысленные животные	29
Черти	30
Благочестивая Анна	31
Бодрое утро	32
Удрученный Павел Ильич	33
Клуб 12-ти разгневанных мужчин	34
Более-менее	35
На больную голову	36
Большая семья	37
Быт на Северном Полюсе	38
Измельчавший мужик	39
Икота	40
Напугал	41
Дружная семья	42
Бубновый туз	43
Будильник	44
Обычные будни	45
Бумеранг	46
Бурум-бурум	47
Хорошо-с	48
Бюстик	49
Маньяк	50
В гости	51
Животное	52

В десятку	53
Розыгрыш лучшей подруги	55
В засаде	56
Плодовитый сын	58
Случай в неясном измерении	59
В предвкушении	60
Запредельные страсти	61
Философский взгляд	62
Чистейшая правда	63
Речь защиты	64
Вещий сон	65
Вздрогнул	66
Страшное видение	67
Видный жених	68
Обиженные	69
Поменялись	70
Вкусное мясо	71
Зря стужевался	72
Охотничий сон	73
Стыдоба	74
Витиеватое благоразумие	75
Во избежание	76
Ритуал	77
Водевиль	78
Водитель Петров	79
Зло	80
Водяной	81
Светофор	82
Вольдемар	83
Нехорошо получилось	84
Воробьи	85
Страховка	86
Вот так-так	87
Сговоривши	88
Вы меня понимаете?	89
Как хорошо!	90
Кажись...	91
Непредвиденное «если»	92
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Куншт-камера зал первый Алексей Розенберг

© Алексей Розенберг, 2016

© Татьяна Николаевна Чередеева, дизайн обложки, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Айседор Дромидондович

Айседор Дромидондович, родной брат-близнец Михайлы Ромуальдовны, приходившейся кровной сестрой-близнецом Перепёрту Страховичу, задумал как-то сходить в гости к родному папаше Аристарху Заиковичу, да пока собирался, то начисто позабыл куда, собственно, намеревался идти.

Посему выпив графинчик водочки под маринованный грибок, Айседор Дромидондович, поскольку уже был в калошах и пальто, вознамерился сходить в гости к сестре-близнецу Михайле Ромуальдовне. Однако пока искал свою шляпу и ласты, начисто позабыл о том, куда, собственно, он собрался.

Тяжело вздохнув, Айседор Дромидондович спрятал ласты в карманы пальто, и, выкушав еще один графинчик водочки под соленый огурчик, вознамерился посетить Перепёрта Страховича, кровного брата-близнеца Михайлы Ромуальдовны. Да пока раздумывал о том, что выбрать – зонтик или трость, снова позабыл о своих намереньях.

Тут он, конечно, окончательно расстроился и, проклиная свою забывчивость, выкушал еще один графинчик водочки, закусив селедочным плавником, разделся и вознамерился лечь спать. Однако, пока искал пижаму, то начисто позабыл, зачем она, собственно, ему нужна. Посему, выкушавши графинчик водочки под корочку хлеба, погрозил кулаком кружащей под потолком мухе, хлопнул себя по лбу тапком и... задумал сходить в гости к родному папаше Аристарху Заиковичу. Да пока собирался, то...

В общем, Айседор Дромидондович и по сей день все никак не может выйти из квартиры или, хотя бы, просто лечь поспать.

Такие дела.

«А я что – а я ничего»

– Вам, уважаемая Анна Ефремовна, не при дамах будет сказано, к брадобрею бы надобно.

– Ах, подите к черту, Иван Никанорович! Как у вас только язык поворачивается такое дамам произносить?

– А я что? Я – ничего! Однако ж, опять-таки не при дамах – люди еще не пугаются ваших роскошных прыщей? Я б, ей богу, налог бы ввел на такую роскошь.

– Нет, ну что вы за паразит такой, Иван Никонорович? Как вам не совестно? Мне от ваших замечаний просто дурно делается!

– А я что? Я – ничего! Но только, надеюсь тут одни мужчины – у вас в юбках еще пока ничего не сыплется? А то, знаете ли, я слышу некоторое амбре от вашего исподнего.

– Ах, Иван Никонорович! Ну до чего же вы свинья! С вашей стороны довольно подло делать мне такие похабные реплики! Стыдитесь!

– А я что? Я – ничего! Просто, уважаемая Анна Ефремовна, я, знаете ли, в последнее время часто спотыкаюсь.

– От чего же, Иван Никонорович?

– Не от чего, а обо что – об борозды на полу, которые вы оставляете своими немислимыми ногтями на ногах! Я, право, удивляюсь как на вас еще туфли налазят.

– Ах вы мерзавец!..

– А еще, уважаемая Анна Ефремовна, вы разве не замечаете, что у нас вся усадьба птицами загажена?

– Только посмейте, подлец!

– А я что? Я – ничего! Только птиц этих – это вы со всей округи своими вшами да блохами притягиваете. Совсем спасу нет!

– Убирайтесь вон! Немедля! Видеть вас больше не желаю! Чтобы духу вашего тут не было! Вы только посмотрите, какая скотина! А если в вас осталось что-нибудь, хоть чуть-чуть от настоящего мужчины, то вы должны немедленно застрелиться! Мерзавец! Солдафон! Уй! Убирайтесь!

– А я что? Я – ничего! Я вас, уважаемая Анна Ефремовна, на себе не женил. Это вы своей маменьке спасибо скажите, карге старой. А еще лучше сами к ней убирайтесь. Так ведь не уберетесь – вас эта вздорная старуха и на порог не пустит!

– Не смейте так говорить о моей маменьке! Когда она узнает, что вы тут вытворяете со мной, она непременно вас проклянет! Федор! Запрягай лошадей! Я уезжаю к маменьке! А вы, негодяй, оставайтесь тут. Надеюсь, что к моему возвращению вы уже умрете от разрыва сердца, бессердечная скотина!

– А я что? Я – ничего! Скатертью дорожка! И маменьке своей передайте, что за такую доченьку в аду ей мучаться после смерти!

...

– А я что? Я – ничего! Федор! Принеси-ка мне, брат, водки да закуски, а опосля сходи до Иннокентия Палыча и Алексея Емельяныча. Скажи, что барин на преферанс ждет. Да поторапливайся! Мда... А я что? Я – ничего!..

Хамовитый покойник

Алена Сергеевна вошла в гостиную, и немедленно упала, споткнувшись об труп Федора Николаевича.

– Что это вы, Федор Николаевич, разлеглись тут прямо на проходе? Так и зашибиться не долго.

Однако вследствие трупного окоченения Федор Николаевич не мог шевелить губами, поэтому отвечать ничего не стал, отчего Алена Сергеевна стала обижаться.

– Не хотите разговаривать – и не надо! Только валяться на проходе у меня в гостиной я вам не позволю! Сдоблаговолите валяться где-нибудь в другом месте!

Однако по независящим от Федора Николаевича причинам, он самостоятельно перемещаться не мог, и поэтому остался лежать там, где и лежал, чем вызвал полное негодование Алены Сергеевны.

– Федор Николаевич! Да вы просто хам какой-то! С вами дама разговаривает, а вы неприлично разлеглись тут и молчите самым наглым образом! Немедля встаньте!

Федор Николаевич даже не пошевелился, и совершенно бесцеремонно продолжил игнорировать Алену Сергеевну.

– Ну знаете! Это переходит всяческие границы! Встаньте сейчас же или я окачу вас холодной водой!

Федор Николаевич и сам был холоден, поэтому отнесся к угрозе с полным безразличием. Терпение Алены Сергеевны лопнуло. Она в гневе пнула Федора Николаевича и, схватившись в свою комнату, вернулась с маленьким дамским револьвером.

– Так вот, Федор Николаевич, если вы немедленно не встанете, то я в вас выстрелю! Поверьте, мне ни чего не стоит это сделать! Итак?

Поскольку Федор Николаевич остался глух к угрозам, Алена Сергеевна, без всякого сожаления, не целясь, выстрелила и попала прямехонько в сердце. Причем в то же самое отверстие от пули, которое она сделала давеча вечером, будучи в гневе после очередной мелкой ссоры с покойником...

Аджика

- Елизавета Михайловна, а вы когда булочки лопаете, вы их аджикой мажете?
- Зачем же, Виталий Евгеньевич? Они же сладкие! Говорите глупостей...
- Ну, от чего же глупостей? Вы, Елизавета Михайловна, сначала попробуйте, а уж потом говорите.
- Ах, отвяжитесь Виталий Евгеньевич. Ни чего я пробовать не буду.
- А зря. А вы, Елизавета Михайловна, прежде чем булочку слопать, надрез на ней делаете или так?
- Какой надрез? Это еще зачем?
- Ну как же! Булочка ведь круглая, и ежели на нее ложку аджики положить, то аджика непременно свалиться, заляпав вам платье. А ежели аджику в надрез напихать, то она уже ни куда не денется.
- Виталий Евгеньевич! Ну что вы несете! Я же сказала вам, что не ем аджики! То есть, конечно, я против нее ни чего не имею, но с булочками не ем!
- А зря. А вот вы, Елизавета Михайловна, за сколько, так сказать, укусов обычную булочку съедаете?
- Ну, как придется, Виталий Евгеньевич. Обычную – так за два. А что?
- Ну, так нельзя, Елизавета Михайловна! Надо маленькими, так сказать, укусами булочку есть. А за два – вы себе, извиняюсь, всю пасть сожжете аджикой-то.
- Да идите вы к черту, Виталий Евгеньевич! Что вы прицепились ко мне с вашей аджикой? Не собираюсь я есть ее! Тем более с булочками!
- А зря. А вот, скажем, откушав булочку – вы ее чем запиваете?
- Ну, уж не аджикой, если вы об этом!
- Да что вы, Елизавета Михайловна! Кто ж ее пьет? Ее кушать надо. Так и все-таки? Чем запиваете-то?
- Сладким чаем с малиной. А что?
- И вам не противно во рту?
- Так! Что вы имеете в виду?
- Ну как же, Елизавета Михайловна! Это же невыразимо противно, когда после острой аджики сладкий чай, да еще и с малиной, в рот попадает! Что-то у вас с вкусовыми рецепторами видно не то. Вам бы врачу показаться.
- Это вам, черт побери, врачу показаться надо! Ополоумели тут со своей аджикой! Что вы ко мне пристали? Вы, Виталий Михайлович, меня до белого каления довести удумали? Последний раз вам заявляю – я не ем вашу мерзкую аджику! Не ем, не ела, и есть – не собираюсь! Точка!
- А зря. А вот когда вы...
- Так! С меня хватит! Подите к черту! Я уйду, а вы сидите тут со своей аджикой, дурак несчастный!
- Елизавета Михайловна вышла из комнаты, громко хлопнув дверью.
- Виталий Михайлович некоторое время посидел, прислушиваясь к удаляющимся шагам, засим, потеряв руки, достал из тайничка бутылку водки и, плеснувши в себя стопку, с удовольствием закусил булочкой, обмакнув ее в острую аджику...

Ценители

– А не махнуть ли нам по стопочке, Дмитрий Петрович? У меня как раз припасена бутылочка превосходного коньяку.

– Не вижу никаких препятствий, Петр Михайлович! Я бы даже сказал, что с превеликим удовольствием задвинул бы по стопочке, и даже, может быть, и не по одной!

– Право слово чудесно, Дмитрий Петрович! А может тогда уж водочки? У меня имеется прекрасный экземпляр, дожидаящийся своего часа во льду.

– Да об чем же речь, Петр Михайлович! Откушать водочки, да с запотевшего графинчика, да под грибок и икорочку – не это ли есть наивысшее удовольствие?

– Прекрасные слова, Дмитрий Петрович! А знаете, у меня припасена бутылочка шикарного бренди – не желаете ли опробовать?

– Ну что вы такое говорите, Петр Михайлович? Как же можно не желать опробовать золотистого нектара? Тем более, что хороший бренди располагает к приятным неспешным беседам.

– Как вы правы, Дмитрий Петрович! Но, было бы совершенно непростительно с моей стороны не предложить вам опробовать так же и превосходного огненного рома – мне на днях прямо из-за морей доставили!

– Огненный ром любые сердца берет на абордаж, Петр Михайлович! И вы правы – было бы ошибкой утаить от меня такой чудесный напиток! Кстати, я предпочитаю пить его исключительно в чистом виде.

– Вы просто настоящий корсар, Дмитрий Петрович! А от настоящего корсара я не могу утаить магического Абсента самой наивысшей крепости, доставленного мне не совсем законным путем. Говорят, что одна только стопка этого полынного напитка, приводит в неистовство разум, заставляя его творить восхитительные и необычные вещи!

– О да! Несколько глотков этого эликсира превращают меня в поэта и художника! Муза, подобная маленькой прекрасной фее, нашептывает мне сюжеты еще ненаписанных романов. И его, кстати, я также предпочитаю пить в чистом виде, безо всяких премудростей и огнепоклонничества.

– Вы необычный человек, Дмитрий Петрович! И мне очень приятно поддерживать с вами дружеские отношения! И я смею надеяться, что и впредь, когда нас выпишут из этого дома скорби, мы с вами продолжим нашу прекрасную дружбу!

– Ничего не имею против, Петр Михайлович! Однако нам пора отправляться на процедуры, так что поговорим после. Всего доброго!

И Михаил Дмитриевич одиноко побрел к серому зданию, на крыльце которого его уже поджидал мужчина в белом халате...

Алхимическая свадьба Исидора Луначерчивича

В то время, когда у Исидора Луначерчивича, на полутёмной кухне, из серебра пыли восходила *пупавковая* звезда *Artemisia*, озаряющая своим зеленоватым светом все таинства человеческих душ, где-то на задворках вселенского бытия одинокий путник-трупоед Анфисий Глинноногий, он же *Beatus St.* Скорохват, укладывался спать в обители вечного сумрака, что означало лишь одно – скорую кончину всех четырёх мыслей той самой *пупавковой* звезды *Artemisia*, так редко высекаемых хрустальными подковами Дикого Буйвола, возвращённого Исидором Луначерчивичем в горьких недрах *Artemisia absinthii*.

И тогда поднимался Исидор Луначерчивич в полный рост, и делал шаг отсюда туда, и вновь садился в ожидании *пупавковой* звезды *Artemisia* на своей полутёмной кухне, покрытой серебром пыли: свадьба была окончена, дабы начаться вновь...

Странное амбре

- Семен Андреевич, а вам не кажется, что чем-то пахнет?
- Пахнет? Хм... Чем же?
- Ну, принюхайтесь. Неужели не чувствуете?
- Да нет, Мария Витальевна, ничего такого не ощущаю. А что? Чем пахнет-то?
- Да, признаться, Семен Андреевич, я и сама толком не пойму, но пахнет чем-то совершенно исключительным.
- Вот как? Так чем же?
- Если бы я знала, Семен Андреевич, то и не спрашивала бы.
- Резонно. Но все-таки – на что это похоже, Мария Витальевна?
- Да я понятия не имею! Гадость какая-то... Будто стухло что...
- Хм... Стухло? Интересно... Во всяком случае я ничего такого не слышу. А вы уверены в своих ощущениях?
- Не держите меня за дуру, Семен Андреевич! Если я чувствую, что чем-то пахнет, значит действительно чем-то пахнет! И при том довольно омерзительно!
- Странно... А вы, Мария Витальевна, себя вообще как – хорошо чувствуете? Может быть, к примеру, простыли и теперь с вашим обонянием твориться черте что? Такое, знаете ли, бывает при простудах. Особенно если какой-нибудь грипп подцепить.
- Я совершенно здорова, Семен Андреевич! И даже поздоровее вас буду! А то, что вы ничего не чувствуете, то это говорит о том, что проблемы как раз с вашим обонянием! Вы же, небось, запах селедки от запаха котлет не отличите!
- Напрасно вы на меня срываетесь, Мария Витальевна. И если уж говорить об обонянии, то с этим у меня все в порядке. Во всяком случае, тяжеловесное амбре от вашего дешевого парфюма я ощущаю вполне себе явственно. И даже на столько, что, сдастся мне, это и есть причина того, что я более ничего не чувствую.
- Если бы, как вы говорите, мой якобы дешевый парфюм перебивал все запахи, то уж я бы и подавно не чувствовала этой мерзости! Ведь парфюм-то на мне!
- Именно, Мария Витальевна! Именно! А свое, простите, то самое, как известно, запахов не распространяет. Так что, пока мы с вами находимся в одном помещении, я, очевидно, так и не смогу узнать, что такое так потревожило ваш чуткий носик.
- Какой же вы хам, Семен Андреевич! Хам и мерзавец! Сравнивая мой парфюм с тем самым, вы наносите мне чудовищное оскорбление, что не дает мне возможности продолжать наше, теперь уже совершенно неприятное, знакомство! И, кроме того, я совершенно не удивлюсь, если источником мерзкого запаха являетесь вы сами! Прощайте!
- Мария Витальевна вскочила с софы и бросилась вон из комнаты, громко хлопнув дверью.
- А Семен Андреевич весело усмехнулся, вытащил из-под софы мертвого кота, вышвырнул его в распахнутое окно и, отворивши шкафчик, выудил из него давно заждавшийся штоф водки.

Анекдот

Одному человеку рассказали анекдот про мужика, который отправился в магазин, надев лыжи.

А получилось так, что этому человеку и самому надо было идти в магазин, поэтому, опасаясь насмешек со стороны окружающих, в свете рассказанного анекдота, лыжи он надевать не стал и, как следствие, увяз в сугробе по шею и замерз насмерть.

И надо сказать, что эта история послужила темой для анекдота, который был рассказан другому человеку. И этому другому человеку тоже до зарезу надо было идти в магазин. И помня, к чему привел рассказанный анекдот в случае с первым человеком, он лыжи все-таки надел и... анекдот стал еще длиннее, так как человек в лыжах по среди июля выглядит, по меньшей мере, нелепо.

И, как вы уже, наверное, догадываетесь, обновленная версия анекдота была рассказана третьему лицу, которое, можно сказать, уже стояло на пороге, направляясь в злополучный магазин. И лицо это, выслушав анекдот, сделало для себя соответствующие организационные выводы, и прежде чем выходить из дома все-таки выглянуло в окно, после чего убрало коньки обратно в коробку и оделось согласно погодным условиям.

Так что дальнейшего развития анекдот не получил и это вселяет определенные надежды на будущее человечества.

Старый пенъ (грустный рассказ)

Анна Егоровна Эгегеева, в девичестве Зулусская-Бусова, сидела на кухне и, попыхивая папиросой, пила водку граненым стаканом, и закусывала селедочным плавником.

Кроме нее на кухне более никого не было, не считая кота Чешуя и деловитых тараканов, коих Чешуй лениво придавливал лапой, случись тем пробежать слишком близко.

Анна Егоровна пила водку малюсенькими глотками, будто в стакане у нее не водка, а крепкий кипяток. Пила водку, и совершенно ни о чем не думала, так как думать ей особо было не о чем, как человеку, у которого жизнь, что называется, удалась и все желаемые высоты достигнуты. И от осознания сего факта, у Анны Егоровны на душе было немножечко грустно, но меж тем вполне себе удовлетворительно.

– Позвольте разделить Ваше одиночество? – раздался тихий вкрадчивый голос, и перед Анной Егоровной из воздуха материализовался довольно препротивный старикашка с чересчур елейным лицом.

– Опять приперся, старый пенъ... – устало произнесла Анна Егоровна. – И какого лешего тебе опять надо?

– Не извольте беспокоиться, любезная Анна Егоровна! – старичок уселся на табурет, и, сдвинув со стола селедочные плавники и бутылку, выложил из портфеля перед Анной Егоровной стопку исписанных листков. – Это – Вам!

– Что это? – поморщившись, спросила Анна Егоровна, брезгливо взяв двумя пальцами один лист.

– Ну как-же, как-же! – суетливо воскликнул старичок. – То самое, о чем Вы так долго мечтали: теплые моря, песчаные пляжи, пальмы... Танго со смуглым мулатом, брызги шампанского, кабриолет... Словом все, что вам так и не дала эта жизнь.

Анна Егоровна недоверчиво окинула старичка взглядом, наполнила стакан до краев и залпом выпив, закурила папиросу.

– А тебе почем знать, о чем я мечтала? – спросила она грозно. – А может все, о чем я мечтала – давно уже сбылось? А? Как тебе такое, старый пенъ?

– Ну, не стоит сердиться, любезная Анна Егоровна, – примирительно сказал старичок. – Я охотно верю, что Вы, как женщина, скажем так, не ординарная, вполне себе могли мечтать об том, что бы в расцвете жизни сидеть в одиночестве на кухне и пить водку, разговаривая с Чешуем. Охотно верю, но не понимаю.

– А тебе и не зачем понимать! – угрюмо произнесла Анна Егоровна. – Это моя жизнь, и она меня вполне устраивает. А всякие «понимальщики» могут катиться к чертовой матери!

– Ну, полно Вам, Анна Егоровна! Полно... – старичок порылся в портфеле и вытащил чернильный прибор. – Я же все знаю. Вам просто настолько все опротивело, что Вы решили, что вот этот вот, простите за вольность, гадюшник – и есть предел Ваших мечтаний. Но уверяю Вас – это, мягко говоря, не правда. И Вы в этом убедитесь сразу же, как только мы подпишем окончательный договор.

Анне Егоровне на мгновение представилось, как она мчит на кабриолете навстречу морю, на берегу которого в роскошном бунгало черноокий Аполлон, в ожидании ее, разликает шампанское по бокалам...

Анна Егоровна снова наполнила стакан до краев и залпом выпила.

– Ладно, старый пенъ, давай сюда свои писульки!

Старичок пододвинул стопку листков поближе к Анне Егоровне и протянул перо.

– Нужно подписать тут, тут и тут, – сказал он, указывая на нужные места на листках.

Анна Егоровна еще раз смерила его взглядом, и решительно схватив перо, размашистым росчерком поставила все подписи.

– Ну вот и чудненько, любезная Анна Егоровна, – старик спешно убрал в портфель листки и чернильный прибор, и, улыбнувшись, вытащил из него бутылку коньяку: – Не плохо бы вспрыснуть удачное окончание нашего дела, а?

– Неплохо-то – неплохо, но когда я увижу деньги? – спросила Анна Егоровна, откупоривая бутылку.

– Не извольте беспокоиться, любезная Анна Егоровна – как и договаривались: завтра утром вся сумма до копейки поступит на Ваш счет!

– Лучше бы наличными... – пробормотала Анна Егоровна, разливая коньяк по стаканам.

– Ну что Вы, любезная Анна Егоровна! Какие в наши дни наличные? Это же уже прошлый век! И Вы же не станете спорить, что расчеты через банки гораздо надежнее и безопаснее, нежели если бы я к Вам заявился с чемоданом денег?..

– Ладно. Давай, старый пень!..

Анна Егоровна стукнула стаканам о стакан старичка и залпом выпила.

И тут же по всему ее телу пробежала судорога, она захрипела, схватилась за горло и через мгновение упала замертво.

Старичок осторожно пихнул безжизненное тело носком ботинка, усмехнулся и, достав телефон, набрал номер:

– Алло! Да, это я. Все готово. Да, подписала. Выставляйте квартиру на продажу. И пришли Семена – надо бы прибраться. Да по шустрее!

Старичок спрятал телефон, почесал за ухом безмятежного Чешуя, и, перешагнув труп, удалился.

Смерть от водки

Выкушал Захар Олегович стопку водки, да и помер.

Приходит его жена. Приходит, и видит скучного Захара Олеговича на полу, и чуть початую бутылку водки на столе.

Ну, выкушала она за упокой Захара Олеговича стопку водки, да и рядом слегла.

Приходит дворник Тихон. Приходит, и видит скучную супружескую пару на полу, и чуть початую бутылку водки на столе.

Размышлять ему не приходилось, так что выкушал он стопку водки за упокой супругов, да и... закурил.

Попыхтел папироской, да и еще одну стопку выкушал. И опять закурил. И опять стопку.

Так всю бутылку и выкушал.

После чего завернул усопших в газету и выбросил в мусоропровод. А сам пошел в зоомагазин за новыми хомячками, а заодно и в гастроном, дабы было чем отметить их новоселье.

Профессиональный анонимщик

Михаил Евгеньевич получил анонимное письмо от Петра Фомича. То есть, конечно, там не было подписано, что, мол, это Петр Фомич написал, но все и так было ясно. Просто на такое письмишко, кроме как Петр Фомич, более никто среди знакомых Михаила Евгеньевича способен не был. Поэтому-то Михаил Евгеньевич и решил, что, мол, раз нет подписи, то анонимка, ясное дело, творение рук Петра Фомича. А надо сказать, что Петр Фомич был не в курсе анонимки, и даже не предполагал, кто мог написать такое письмо, да еще и повернуть дело так, что Михаил Евгеньевич однозначно подумал на него. Сам-то Петр Фомич был не чужд до сочинительства всякого рода анонимных пасквилей, но Михаилу Евгеньевичу он ничего такого не сочинял и не посылал. Вот Какису, Арнольду Серафимовичу, посылал. И даже не одно. Так то же Какис. А что бы Михаилу Евгеньевичу – ни разу! М-да...

Нет, ну черт знает что! Какис этот, Арнольд Серафимович, подлец, конечно, рассказывал Михаилу Евгеньевичу, что получал анонимки от Петра Фомича, вот Михаил Евгеньевич и решил, что без него тут не обошлось. А ведь обошлось – не писал Петр Фомич этой чертовой анонимки! Ну, может, конечно, и имел такие намерения, однако не писал! И все равно Михаил Евгеньевич думает на него, невзирая на то, что анонимное письмо было подписано собакой Какисом. Даже подчерк этого Какиса, будь он не ладен. Ведь если бы Петр Фомич надумал бы писать анонимку Михаилу Евгеньевичу, то разве стал бы подделывать подчерк Какиса и, тем более, подписываться такой дурацкой фамилией? Да такую фамилию и без ошибок-то черта с два напишешь! А подчерк? Пальцы сломать можно! Эвон, какую мозоль натер! Ну, ни чего! Теперь-то он этому чертову Какису такую анонимку напишет, такое письмецо состряпает, что тот от возмущения свои штиблеты, скотина, сожрет! А то ишь, тоже мне, Какис нашелся...

Апокалипсис

Свистунов сидел развалившись на стуле перед распахнутым окном, одной рукой лениво отмахиваясь от назойливых мух и почесывая потное волосатое пузо, а другой ковыряясь в зубах ржавым гвоздиком.

Солнце беспощадно палило Свистунова, отчего стекающий ручьем пот уже собрался в приличную лужу под стулом. Но Свистунов не делал ни малейшей попытки укрыться от палящих лучей, и даже, казалось, наоборот получал от этого некое удовольствие, чего не скажешь о Маргарите Петровне, супруге Свистунова, так же изнуряемой духотой, но, в отличие от Свистунова, предпринимающей робкие попытки спрятаться в каком-нибудь хоть на толику прохладном месте. Однако таких оазисов в квартире не находилось, и изможденная Маргарита Петровна обессиленно слонялась из комнаты в комнату, бубня вялые проклятия разыгравшейся не на шутку жары.

Лишь только кот Свистуновых, наделенный за какие-то прегрешения кличкой «Скотина», проявив не дюжую смекалку, и немислимым усилием воли преодолев врожденный комплекс водобоязни, уютно устроился в уборной, забравшись в сливной бачок, в котором вода хоть и далека была от прохладного состояния, но все же вполне себе комфортно отражала нападки чудовищной духоты.

И такой духоты, что ходики на стене растеклись стрелками по циферблату, и с глухим трагическим всхлипом «Бом» сделали сепуку, рассыпавшись мокрыми от пота шестеренками. И вывалив из нутра кишки-пружины, навсегда остановились.

Такой жары, что лампочки в люстре стали таять как эскимо, капая сверкающими каплями на ковер, теперь больше напоминающий выставленное на показ илистое дно зацветшего болота.

Такой жары, что книги в шкафах, тихонько потрескивая и шурша, тлели без единой искры огня и рассыпались пеплом по полкам.

Такой жары, что вся квартира стала терять свои строгие геометрические очертания, и больше походила на восковый домик, оказавшийся в раскаленной духовке.

Все потекло. Потолок провис. Стены изогнулись. Пол вспучился. Мебель скрутило. Стекла лопнули. Воздух стал красным. Воздух стал расплавленным металлом. Воздух стал эпицентром термоядерного взрыва. Воздуха не стало.

Пришла внезапная тишина.

Раз.

Два.

Три.

И тишина стала взрывом! Взрывной волной! Криком! Криком тысяч! Криком миллионов! Криком Вселенной!

Сотые.

Тысячные.

Миллионные одной секунды.

И опять тишина. Абсолютная. Навсегда.

Свистунов тяжело вздохнул, выбросил гвоздик в окно и пошел спать.

Необыкновенный желудок

– Вы, Петр Ильич, напрасно не кушаете! – сказал Лев Николаевич, с чавканьем обглядывающий куриную ногу. – Если не будете кушать, то совсем зачахнете! Это я вам со всей ответственностью заявляю!

– Да уж не беспокойтесь обо мне, Лев Николаевич, – сказал Петр Ильич, с некоторой брезгливостью рассматривая Льва Николаевича. – Уж как-нибудь, да не зачахну. А вот вы бы, как раз, и не налегали так, а то как бы с животом потом не маяться...

– Ну чего же мне маяться? – Лев Николаевич оторвал от курицы вторую ногу. – У меня желудок, если хотите знать, ого-го! Все что угодно переварит и еще попросит! Я вот на спор даже медяки глотал, пятикопеечные – и ничего, переварились!

– Что вы говорите! – Петр Ильич усмехнулся и скрестил руки на груди. – А костыль смогли бы?

– Какой костыль? – Лев Николаевич удивленно уставился на Петра Ильича. – О чем это вы?

– Ну обычный костыль такой. Железный. – Петр Ильич немного скривился, увидев, как по небритому подбородку Льва Николаевича потекла жирная слюна. – Железнодорожный костыль, каким рельсы к шпалам прибивают. Смогли бы?

– Что смог бы? – Лев Николаевич, заметив взгляд Петра Ильича, обтер рукой подбородок. – Что-то я не пойму вас. При чем тут костыль вообще?

– Ну вы же говорите, что у вас желудок ого-го, и даже пятки медные переваривает, – Петр Ильич посмотрел на носы своих ботинок. – Вот я и спрашиваю: смогли бы вы костыль переварить или нет.

– Ах вот вы о чем! – Лев Ильич продолжил чавкать куриной ногой. – Иронизируете. И напрасно! Я вот сейчас курочки поем, и буду чувствовать себя архипревосходно. А вы голодным останетесь, со своей иронией.

– Ну что вы! Какая уж тут ирония? – Петр Ильич пристально посмотрел на Льва Ильича. – Простой интерес и не более. Я просто никогда еще не видел, что бы с таким аппетитом ели сырую неоципанную курицу. Вот я и подумал, что вам, в сущности, все равно что есть: что медяки, что костыли, что еще какую-нибудь дрянь. И остается только восхищаться вашим необыкновенным желудком. А сейчас, простите, мне надо в уборную, так как мой рассудок более не может выдерживать этого чудовищного зрелища. Честь имею!

И Петр Ильич вышел из купе.

Арест Ореста

Двое с револьверами и трое с винтовками, вышибив дверь ворвались в кабинет Ореста Аристарховича.

Видимо главный, развевая рыжей бородой, тыча в лицо Ореста Аристарховича наганом, истерично заорал:

– Гражданин Чертоомутов! Вы – арестованы!

Орест Аристархович спокойно отвел дуло от лица, почесал нос и спросил:

– Вы это серьезно, господа?

– Да!!! – брызгая слюной возопил рыжебородый, возвращая ствол нагана обратно к лицу Ореста Аристарховича.

– То есть, вы считаете, что можете просто так ворваться ко мне без стука, в кабинет, бряцая своим доисторическим фетишем, и арестовать меня? – Орест Аристархович вновь отвел дуло от лица, почесал нос и усмехнулся: – Вы правда так считаете?

Вместо ответа, рыжебородый вернул наган к лицу и нажал на спуск. Однако вместо ожидаемого выстрела, наган натурально издал отрывку и рассыпался в пыль.

– Идиоты! – строго сказал Орест Аристархович.

Он погрозил рыжебородому пальцем, почесал нос и... вдруг раздулся в огромный шар и звонко лопнул, забрызгав присутствующих какой-то зеленой слизью, с весьма неприятным запахом.

– Черт знает что... – пробурчал рыжебородый, брезгливо обтирая бороду наганом. – Пойдемте товарищи. У нас еще три адреса.

Злосчастливая оливка

Афанасий Петрович, совершенно отчаявшись подцепить вилкой непокорную оливку, ухватил ее пальцами и отправил в рот. После чего, закрыв глаза, приступил к неспешному задумчивому пережевыванию.

Впрочем, как следует просмаковать заморский продукт не получилось, так как оливка, видимо не желая сдаваться, неожиданно явила косточку, отчего ближайший подвернувшийся зуб Афанасия Петровича хрустнул и выпал изо рта.

Сей факт настолько поразил Афанасия Петровича, что, поднявшись с пола, он долго не мог найти стула, на котором сидел до инцидента с косточкой. И конечно тот факт, что стул оказался выброшенным в окно, так же не прибавил ясности мысли, а даже наоборот – еще больше расстроил Афанасия Петровича, так как в момент броска окно было закрытым, что повлекло к его уничтожению.

Кроме того, перевернутый стол раздавил всю немногочисленную посуду, имеющуюся в доме, а неизвестно откуда взявшийся топор основательно покрошил и остатки мебели.

Странноватый едкий дым, расползающийся по комнате, наводил на мысли о неисправной электропроводке, тогда как хлюпающая под ногами вода красноречиво свидетельствовала об утрате водных коммуникаций. О том же свидетельствовали вырванные с корнем краны, раскуроченные батареи и ни на что не похожая уборная.

Последнее окончательно расстроило Афанасия Петровича, что привело к уничтожению остатков имущества, и самому крупному поджогу, что случался на памяти заслуженного брандмейстера города.

Баллистическая теория

У Захара Ильича с самого детства была мечта: жахнуть из Царь-пушки. Буквально.

Не то, чтобы Захар Ильич имел склонность к разрушениям и смертоубийству, просто он был уверен, что если из нее как следует жахнуть, то ядро непременно облетит вокруг земного шара, и шарахнет стрелявшего канонира по затылку.

И если в детстве ему еще удавалось как-то доказывать свою теорию и выигрывать мальчишеские споры, то с возрастом это делать становилось все труднее и труднее: чем старше становились мальчишки, тем более сведущими они оказывались в вопросах баллистики и артиллерийского дела. А уж и вовсе повзрослев, стали откровенно потешаться над Захаром Ильичом, продолжавшим настаивать на своей гипотезе. Так что, когда-то детская мечта, стала медленно и уверенно превращаться в идефикс, поглощая все прочие помыслы.

И вот однажды, Захар Ильич в очередном споре дошел, что называется, до наивысшей точки кипения и разошелся так, что той же ночью, с двумя огромными сумками давно припасенного пороха, рюкзаком войлока, и инструментами в карманах, никем не замеченный, прокрался на Ивановскую площадь, подобрался к Царь-пушке, набил ствол порохом, утрамбовал войлочный пыж, механической дрелью высверлил запальное отверстие, приладил запальный шнур и... понял, что совершенно не позаботился о снаряде!

И тут, как на грех, показался милицейский патруль, заметивший странное движение возле исторического памятника.

С этого момента сам Захар Ильич плохо помнит, зачем такое сделал – вроде как в состоянии аффекта, он подпалил запальный шнур, а сам нырнул в чрево пушки...

В общем, что тут сказать? Теория Захара Ильича начисто оправдалась: обогнувши земной шар, он прибыл к месту старта именно в то самое место, где, по правилам, должен был находиться канонир. И если бы таковой действительно там стоял, то Захар Ильич непременно врезался бы ему прямехонько в затылок.

К счастью, полет Захара Ильича занял довольно приличное время, так что когда тот вернулся к пункту назначения, прошло несколько дней и зеваки, сбежавшиеся на чудовищный грохот, к тому моменту уже разошлись. Поэтому никто не пострадал, но и, своего рода, подвиг Захара Ильича остался незамеченным.

Но как бы там ни было, Захар Ильич осуществил мечту детства и доказал, хотя бы самому себе, свою остроумную баллистическую теорию.

Без обмана

Петра Сергеевича с утра не было дома.

Он сам об этом всем рассказывал. Подходил к первому попавшемуся гражданину, хватал его за плечи и, глядя в глаза с каким-то укором, говорил:

– А ведь меня сегодня с утра не было дома! Представляете?

Поскольку гражданин видел Петра Сергеевича первый раз в жизни, то сразу же терялся и начинал чувствовать некоторое замешательство. А Петр Сергеевич, меж тем, сочувственно хлопал гражданина по плечу, и добавлял:

– Ну, ничего, любезнейший – не расстраивайтесь. Зайдете в другой раз!

После чего оставивши гражданина в легком ступоре, быстрым шагом удалялся.

И таким образом за довольно короткий промежуток времени Петр Сергеевич умудрился озадачить с полсотни граждан, прежде чем его, наконец, поймали и вернули обратно в лечебницу.

Так что, как видите, он не лукавил – его действительно с утра не было дома. И не только с утра, а уже довольно давно.

Известная планета

– Давайте, Дмитрий Евгеньевич, представим себе эдакую гипотетическую планету, на которой обитают безголовые люди. Ну, к примеру, рот у них имеется на животе, глаза, нос и уши на груди. А вместо мозга – некий орган, посылающий необходимые импульсы организму. Причем программа в этот орган заложена изначально, со времен возникновения на планете людей, и передается потомкам по наследству, не претерпевая никаких изменений. Грубо говоря – набор функций, необходимых для поддержания жизнедеятельности организма, размножения, удовлетворения каких-нибудь частных потребностей и сохранения популяции. То есть такой стабильный мир людей, которым мозг, в общем-то, и ни к чему. Представили?

– Чего же тут представлять? Я определенно знаю, о какой планете вы толкуете, уважаемый Валентин Петрович!

– Черт...

Белиберда

(посвящается Св. Илии Тверскому)

Михаил Петрович с Иваном Фомичом сидели на кухне, выпивали, закусывали и, не шибко досаждая соседям, вели дружественные беседы. При этом Михаил Петрович норovil захватить в ухо Ивану Фомичу, в то время, как тот рассчитывал попасть Михаилу Петровичу в глаз, или на худой конец в челюсть.

Когда кому-нибудь из них удавалось совершить задуманное, они весело крякали и выпивали еще по стопке. А поскольку выпивки было полно, то к концу попойки их лица производили неизгладимое впечатление.

Но речь, собственно, не о них. А о бескрайнем снежном поле, по которому, весело смеясь, играя в догонялки, бегали пушистые зайчики.

Когда какой-нибудь зайчик догонял другого, то радостно бил его серебряным копытцем в рыльце и, заливаясь от смеха, убегал. Теперь водил догнанный зайчишка с выбитыми зубками.

Но речь, конечно, не о зайчиках. А о том, как дед Елизар ловил рыбу дырявым валенком.

Он набивал валенок манной кашей и, привязавши к нему свой атласный пояс, забрасывал валенок в бурную горную реку, протекающую через изумрудные альпийские луга.

И тот час вся речная рыба, учуяв запах каши, устремлялась в валенок. А кому не хватало места, усаживались по верх.

И тогда дед Елизар тянул за пояс, и ловко выбрасывал валенок с богатым уловом на изумрудную траву лугов.

Но вскоре вся рыба в реке кончилась, и дед Елизар отправился рыбачить на море.

А в это самое время, на вершине самой высокой в мире горы, сидел полосатый человек. Глядя с этой умопомрачительной высоты на мир, он качал рогатой головой и, сплевывая звенящими звездами, бормотал себе под луновидный нос:

– Экая белиберда! Подумать только!

Удивительные Белянские

Белянский, в полосатых трусах и одном рваном носке, сидя на стуле парил под потолком посреди гостиной. При этом он лузгал семечки, сплевывая шелуху прямо на персидский ковер. И каждый раз, когда на ковре накапливалась приличная горка шелухи, ковер самостоятельно приподнимался над полом, и обтряхивался подобно намокшему псу. И когда он делал это, кот Белянского от испуга распушался и с яростным шипением запрыгивал на люстру.

Когда же ковер успокаивался, кот спрыгивал обратно и начинал мстительно и поспешно метить его углы, видимо считая таким образом образумить это персидское чудо. А закончив, вальяжно укладывался по центру, до следующего возмутительного обтряхивания.

В гостиную с озабоченным видом вошла Мария Павловна. А буквально за мгновение до ее входа Белянский плавно опустился вниз, и успел сделать вид, что увлеченно ищет у кота блох.

– Белянский, вы не видели Белянского?

– Того, который умер или того, который пошел за Белянским, если конечно вы не имеете в виду меня самого?

– Того, который взял у меня в долг деньги, и до сих пор не отдал.

– Ах, этот. Нет, этого Белянского я не видел. Может быть, как раз он и умер?

– Может быть. Это на него похоже...

Мария Павловна с подозрением посмотрела на Белянского, заглянула под ковер и вышла через окно, ловко перепрыгнув подоконник.

Белянский некоторое время рассеяно смотрел ей вслед, и снова воспарил на стуле.

А в десяти тысячах километров от Белянского, попыхивая трубкой и почесывая грязную пятку, полупьяный лесник Белянский, на старенькой дрезине, вез свояку Белянскому, работающему в мебельной артели «Парящие Белянские и сыновья», ворованный лес, который сдавал этому свояку за бутылку водки и сто рублей денег...

Берсерк

Вид Михаила Петровича был страшен: стоящая дыбом и шевелящаяся копна огненно-рыжих волос; налитые кровью глаза, готовые выскочить из орбит; оскал дикого зверя, со стекающей по небритому подбородку слюной; раздувающиеся ноздри, со свистом втягивающие и выпускающие воздух.

А что творилось в голове Михаила Петровича – и вовсе подумать страшно! Казалось, достаточно какой-нибудь пылинке опуститься на Михаила Петровича и в ту же секунду произойдет ядерный взрыв или какой-нибудь природный катаклизм!

– И не надо на меня тут глазами вращать, гражданин и слюной брызгать! Мне ваша посылка совершенно до фени. Я на ней не плясала, и в воде не замачивала. Какое пришло – такое значит и отправили. Так что забирайте и не задерживайте очередь!

Тунеядец

Один гражданин никогда не спал. Естественно.

Когда все нормальные граждане мирно почуют в своих кроватях, занимаясь просмотром разнообразных снов, данный гражданин сидит на стуле, как сыч, уставившись в окно на луну, или того хуже – бродит шаркая ногами по помещениям, нарушая посторонними звуками сон нормальных граждан.

Тем же самым он занимался и в дневное время, когда нормальные граждане уже не спят и заняты, к примеру, каким-нибудь общественно-полезным трудом, а этот продолжает бродить или сидеть сычом. То есть, как видите, данный неприятный тип ко всему прочему был еще и тунеядцем.

А больше, собственно, о гражданине писать и нечего, так как все свое бытие он только и делал, что либо сидел, как сыч, либо бесцельно болтался по помещениям, не принося никакой пользы обществу. И то, что он был привидением, согласитесь, не является оправданием его бессмысленному существованию в трудовом обществе.

Бесмысленные животные

Олег Сергеевич лежал на диване и, лениво почесывая волосатое пузо, внимательно смотрел на муху, сидящую на потолке.

Муха же, лениво почесывая лапками брюхо, внимательно смотрела на Олега Сергеевича, лежащего под нею на диване.

– Вот – муха, – неспешно вслух думал Олег Сергеевич, – Самое бессмысленное животное. И к тому же – антисанитарное. Жрет черти что, и заразу разносит. Надо бы ее тапком придавить...

– Вжу, – неспешно вслух думала муха, – Жу-жу вжу-жужу, быз-быз...

– Смотри-ка, – продолжал думать Олег Сергеевич, – Еще и жужжит что-то там, будто понимает! Как бы не нагадила...

– Жу-жу-вжу, – продолжала думать муха, – Вжу быз-быз жу-жу!

– Вжу-вжу! – передразнил муху Олег Сергеевич, – Дура...

– Вжо? – муха на мгновение перестала почесывать брюшко, расправила крылья и, спирировавши на Олега Сергеевича, причинила тому жирную точку на лоб, после чего вернулась на потолок и продолжила ленивые почесывания. – Вжожу жибжи!

От такой наглости Олег Сергеевич потерял дар речи, в бешенстве вскочил с дивана, выхватил из-за пазухи тапок и, подпрыгнув, размазал муху по потолку.

– Я тебе покажу, «вжожу жибжи»!!! – крикнул он, обтирая тапок о штанину и снова укладываясь на диван. – Совсем распоясались, бессмысленные животные...

Черти

Бякин выпил стопку водки и сказал:

– Вы, любезный Антон Григорьевич, натурально черт. Вот, ей богу!

Букин выпил стопку водки и сказал:

– Да вы, любезный Прохор Семенович, пожалуй, сам черт. Да еще какой!

Бякин выпил стопку водки и сказал:

– Это все ваши домыслы и грязные инсинуации, Антон Григорьевич. Ибо черт – именно вы!

Букин выпил стопку водки и сказал:

– А я вот, Прохор Семенович, сейчас этими, как вы говорите, грязными инсинуациями вам прямо по рогам накидаю, ибо чертей – по рогам учить нужно!

Бякин выпил стопку водки и сказал:

– Вы свои инсинуации при своих копытах оставьте, Антон Григорьевич. А то не ровен час – запнетесь, и своим свинячим рылом об стол уронитесь!

Букин выпил стопку водки и сказал:

– Да вы, Прохор Семенович, никак мне угрозки кидаете?

Бякин выпил стопку водки и сказал:

– Ну что вы, Антон Григорьевич! Какие уж тут угрозки? Разве можно угрожать черту? Ну, разве крестом святым, да водицей церковной. А у меня, как видите, ничего такого нету.

Букин выпил стопку водки и сказал:

– Экий вы поганец, Прохор Семенович. Вся ваша бесовская душа наружу! Потому и нету креста у вас и водицы, ибо нет ничего страшнее для черта!

Бякин выпил стопку водки и... ничего не сказал, а лишь почесал лысину промеж рог, сплюнул серой в пепельницу, да и растворился в дыму.

А Букин выпил стопку водки и... тоже ничего не сказал, а лишь почесал копыта о копыта, сплюнул серой в пепельницу, да и растворился в дыму.

А чего, спрашивается, сидеть-то? Водка-то кончилась.

Благочестивая Анна

– Анна Изольдовна – хотите фокус?

– Ах, оставьте, Петр Михайлович! Знаю я ваши фокусы – одурачите бедную девушку, а замуж не возьмете!

– Ну что вы, Анна Изольдовна! Это совершенно безобидный фокус с картами, – Петр Михайлович выудил из кармана колоду и протянул Анне Изольдовне. – Прошу, выберите любую!

– Ах, Петр Михайлович – грешно трогать карты, а уж тем более играть в них! Они от дьявола!

– Побойтесь бога, Анна Изольдовна! Во-первых, это всего лишь картонки с картинками, а во-вторых, я и не предлагаю вам играть. Совершенно безобидный фокус и не более!

– Ах, Петр Михайлович, прошу – не искушайте меня! Я дама благочестивая и глубоко верующая, а вы пытаетесь заманить меня в дьявольские силки!

– Да господь с вами, Анна Изольдовна! Какие силки?! Обыкновенный фокус, совершенно безобидный! Даже детишки балуются ими на потеху взрослым!

– Ах, Петр Михайлович! Потом в этих детишек вселяется дьявол и из них вырастают сущие душегубы! Нет-нет-нет! И не просите! Я не притронусь к этому капкану сатаны!

– Вы, Анна Изольдовна, в высшей степени удивительный человек... Ну, да как угодно. Не хотите – и бог с вами. Чем же мы тогда займемся?

– Ах, Петр Михайлович, ну вы же мужчина – вам и карты в руки, думайте!

– Так вы же против карт, Анна Изольдовна!

– Ах, Петр Михайлович – это я фигурально выразилась. Разве вам не знакомо такое выражение? Зачем же вы воспринимаете буквально?

– Боюсь, Анна Изольдовна, что я вообще уже мало что воспринимаю... То карты – грешно, то карты – фигурально...

– Ах, Петр Михайлович, ну до чего же вы глупый человек! Заладили со своими картами! Могли бы для начала просто предложить даме вина. А уж когда бы у нее вскружило голову, то тогда уж и приставали бы со своими фокусами!

– Так это я мигом, Анна Изольдовна!

– Ах, Петр Михайлович – уж поздно, вся изюминка насмарку. Уходите! И не возвращайтесь, пока не научитесь действовать без подсказок! А я буду молиться за вас! До свиданья!

Петр Михайлович спрятал колоду в карман и, имея весьма смущенный вид и чертыханья в голове, покинул гостиную.

– Дурак! – крикнула Анна Изольдовна, когда за ним закрылась дверь, и отчего-то заплакала.

Бодрое утро

Егор Лукич оттопырил пальцами левую ноздрю и, довольно ловко вбросив в неё щепотку молотого жгучего красного перца, вдохнул всей грудью.

– РРРЕЩЦЕ!!! – проревел в чихе Егор Лукич и, смахнув слезу, оттопырил правую ноздрю и повторил операцию.

– АППРРРОБИРУЙ, мать твою!!! – от рёва Егора Лукича в серванте посыпался кофейный сервиз.

Теперь он оттопырил одной рукой обе ноздри, а другой вбросил в них целую пригоршню перца:

– ПРРРАЩЦАЙ, етишкины бубенцы!!! – взревел в чихе Егор Лукич, – О-о-о, ТРР-РОПИ МАРРРУСЯ – ВАРРРЯГ ПАРРРВЕТ ТВОЮ НЕВИННОСТЬ!!! Уф-ф-ф...

Егор Лукич вытер слезы, обтёр пот со лба и, счастливо вздохнув полной грудью, бодро, вприпрыжку пошагал умываться.

Удрученный Павел Ильич

- Знаете, Марья Сергеевна, я прямо-таки удручен вашими коленцами.
- Об чем это вы, Павел Ильич?
- Ну, как же? Вот давеча, в гостях у Козюлькиных, вы чего откололи?
- Ах, вы об этом! Ну да, а что же этот старый хрыч меня постоянно за, простите, ягодицы щипал и норовил за груди ухватить? Поделом и получил!
- Вам достаточно было мне пожаловаться, и я поставил бы его на место! А макать пожилого человека головой в клозет, по меньшей мере, не этично. Вы же дама, в конце концов! Маленькая хрупкая женщина! А ведете себя как какой-то неотесанный мужлан!
- Подумаешь... Пусть вообще радуется, что меня вовремя оттащили, а то утоп бы в собственном клозете. Вот смеху-то было бы!
- Смеху? Ага! Только смеяться вам пришлось бы уже где-нибудь на северном лесоповале... Ну да черт с ним, с Козюлькиным. А у Голубицких? Вы же Anne Семеновне ни одного волоса на голове не оставили!
- А пусть в следующий раз за своим языком следит! Нечего трепаться! Она, между прочим, и про вас, Павел Ильич, гадостей наплела! А я очень не люблю, когда про моих любимых людей говорят гадости. А если она еще раз при мне что-нибудь такое вякнет, то я ей челюсть сверну – ей богу!
- Кстати, за челюсть: третьего дня вы избили Никиту Михайловича, и теперь он в больнице, с челюстью, переломанной в нескольких местах. Вы его железной трубой били или кастетом? И за что, кстати?
- Никакой трубой я его не била. И кастета у меня нет. Всего лишь моя маленькая косметичка. И схлопотал он за то, что форменный козел!
- Что вы имеете в виду, Марья Сергеевна?
- Что-что... Козел и все тут. Нельзя дамам отказывать в их просьбах!
- О чем же вы его просили?
- А это уже не ваше дело, Павел Ильич. Могут же у меня быть маленькие секреты от вас?
- Могут, конечно, но ведь он теперь в больнице! Хотя бы скажите: эта ваша просьба к нему настолько весомая, что за неисполнение можно вот так вот запросто искалечить коз... тьфу, черт! Иskalечить человека?
- Ну, может быть, я слегка и переборщила, конечно. Но хорошеньких оплеух отказ стоил! Просто я была немножечко расстроена и не в духе...
- Да уж... В общем, Марья Сергеевна, я даже не знаю что и сказать...
- А и не надо ничего и говорить. Скажите только, что любите меня! Вы же меня любите?
- Конечно люблю! Вы же знаете!
- Ну, вот и хорошо! В таком случае вам совершенно не об чем беспокоиться: поскольку я вас тоже люблю, то конкретно вам я не доставлю никаких неприятностей! Пока, во всяком случае, наша любовь взаимна. А теперь скорее обнимите меня, мой удрученный Павел Ильич!

Клуб 12-ти разгневанных мужчин

Каждую субботу, а иногда и в остальные дни, в заброшенном загородном домике собирались двенадцать разгневанных мужчин и начинали лупить друг друга, изливая свой гнев.

– Я вам, милостивые государи, так скажу: того, кто изобрел дверные косяки, я бы на этом же косяке и вздернул! У меня на ногах ни одного живого пальца не оставши! – шипел Александр Петрович и бил Бориса Витальевича кулаком в морду.

– Косяки – это что! Вот знали бы вы, господа, как обидно прижигать руки утюгом! – отплеываясь кровью кричал Борис Витальевич, досажая ногой лицу Валентина Прокопьевича.

– Утюги? Косяки? А вам доводилось ли когда защемлять пальцы в дверях? И получать при этом этой самой дверью, простите, в рыло? – возмущался Валентин Прокопьевич, дергая лицом и пиная в живот Геннадия Семеновича.

– Какие-то вы, право, неуклюжие, господа! Видно вам на голову никогда не падала лепнина с фасадов, кирпичи, сосульки и, что самое возмутительное, птичьи, простите, фекалии! – извиваясь от боли в животе, кричал Геннадий Семенович, прикладывая, при этом, кулачные компрессы к ушам Дмитрия Ивановича.

– Фекалии? Да что вы знаете о фекалиях?! – истошно вскричал Дмитрий Иванович, держась за уши и отчаянно лягая Егора Кузьмича.

От вопля Дмитрия Ивановича драка на мгновение прекратилась и все посмотрели на него с уважением – уж кому-кому, а Дмитрию Ивановичу от фекалий доставалось изрядно.

Затем драка продолжилась.

– Знаете, господа, все, что вытворяет наше правительство, меня изрядно бесит! Ей богу! – меняя тему, крикнул Егор Кузьмич, разминая при этом лицо Евгения Петровича.

– Согласен с вами! Там же ни одного приличного человека нет! Кухарки да коррупционеры! – кричал Евгений Петрович, создавая предпосылки к посещению травматолога Зиновием Алексеевичем.

– А милиция? Вы только посмотрите, что они творят! Это же караул просто! – заходился в иступлении Зиновий Алексеевич, залепляя крученые по глазам Ивана Сергеевича.

– Да что тут говорить! Вон, нашего участкового возьмите – грубиян и алкоголик! – кричал Иван Сергеевич, в слепую валтузя по чему придется Константина Дмитриевича.

– А медицина, господа! Мало того, что эти эскулапы дерут в втридорога, так еще и живого до смерти залечат! И не дай бог заболеть по настоящему! – визжал Константин Дмитриевич, откручивая нос Леониду Михайловичу.

– А я вот с Александром Петровичем согласен – все беды от «косяков»! Вы же только посмотрите – наркоман на наркомане! – гнусавил Леонид Михайлович, смачно прикладывая в челюсть Михаилу Анатольевичу.

– Да что тут говорить, господа – каков пастух, такова и паства! Уж все мы знаем, что откуда гнить начинается! Хотя все уже в таком состоянии, что, пожалуй, гнить больше и нечему... – злобно шепелявил Михаил Анатольевич, душа Александра Петровича.

И вся эта вакханалия духа продолжалась до тех пор, пока кто-нибудь из двенадцати разгневанных мужчин не терял сознания. После чего драка прекращалась, пострадавшим оказывалась медицинская помощь, и текущее заседание клуба считалось закрытым.

Более-менее

Евгений Петрович в прекраснейшем расположении духа вышел на улицу и отправился в парк, с целью посидеть на скамеечке, послушать щебетание птиц и пощуриться на осеннее солнце.

Однако до парка он не дошел, так как, выходя из подъезда своего дома, запнулся об шального кота, упал и начисто разбил лицо об асфальт. А с разбитым лицом, как вы понимаете, уже не до лавочек в парке. Так что отправился Евгений Петрович в больницу.

Однако до больницы он не дошел, так как, пройдя несколько шагов, был сбит пьяным велосипедистом, отчего вторично приложился лицом об асфальт, сломал ребра и указательный палец на руке. А с такими повреждениями до больницы, как вы понимаете, самостоятельно добираться проблематично. Так что, немного поскучав на асфальте, Евгений Петрович в больницу пополз.

Однако, проползши пару метров, Евгений Петрович угодил под грузовик, который с удовольствием хрустнул ногами Евгения Петровича. А с такими травмами, как вы понимаете, даже и поползть особо не удастся. Так что Евгений Петрович окончательно поскучнел.

Кое-как отползши поближе к кустам, во избежание столкновения еще с каким-нибудь транспортным средством, Евгений Петрович стал размышлять о смысле жизни и о разных, там, высоких материях. Однако долго размышлять ему не пришлось, так как дворник, подстригающий кусты огромными ножницами, с утра не похмелялся, а оттого испытывал приличный тремор, отчего выронил свой инструмент прямехонько на Евгения Петровича.

Как вы понимаете, воткнувшиеся в глаз ножницы не прибавили Евгению Петровичу хорошего настроения и оптимизма, посему Евгений Петрович тихо заплакал и стал прощаться с недружелюбным миром, сильно подозревая, что конец не только близок, а буквально дышит перегаром ему в лицо.

Однако концом оказался все тот же трясущийся дворник, который в поисках ножниц упал из кустов на Евгения Петровича. И хоть он и находился в стадии пост-похмельной нирваны, но сложившуюся ситуацию более-менее оценил и, сползав до своей каморки, вызвал карету скорой помощи, коя по прибытии переехала Евгению Петровичу правую руку.

Тем не менее, дважды выпав из носилок, Евгений Петрович вскорости оказался в больнице, что можно считать, как вы понимаете, более-менее счастливым концом для Евгения Петровича, и нашей это историйки.

На больную голову

Мало того, что у Петра Никифоровича чудовищно болела голова, после давешних обильных возлияний, так еще и при выходе из дома он схлопотал по этой самой голове внушительной сосулькой, отвалившейся с крыши, отчего ненадолго потерял пространственную ориентацию. Но и это бы еще ничего, если бы не какая-то старушка, которая вместо помощи пострадавшему человеку или, хотя бы, простого сочувствия, с истошными криками «А! Наркоман чертов!», стала лупить Петра Никифоровича по многострадальной голове увесистой авоськой, наполненной, видимо, силикатным кирпичом. И возможно, что все окончилось бы плачевно для Петра Никифоровича, не случись проходить мимо участковому Шкурову. Отгнав от пострадавшего pistolетными выстрелами обезумевшую старушку, он водрузил скулчающего Петра Никифоровича на плечо и понес в участок для оказания первой медицинской помощи и, заодно, дальнейших выяснений. Но не донес – давешняя старушка с криком «А! Оборотень покрывающий наркомафию!», довольно умело метнула по ногам участкового свою палку, отчего тот упал и был придавлен сверху Петром Никифоровичем, у которого, ко всему прочему, разыгралась нешуточная мигрень. А старушка, тем временем, довольно оперативно собрала целую шайку себе подобных, после чего всем кагалом приступила к избивению уже двоих потерпевших, один из которых, к тому же, находился при исполнении.

В общем, вызванному сердобольными свидетелями избивения отряду милиции, пришлось применять спецсредства, прежде чем удалось отбить к тому времени сильно поскучневших Петра Никифоровича и участкового Шкурова, после чего обоих доставили в больницу. С тех пор, Шкуров более не связывался со старушками без огневой поддержки отряда милиции, а Петр Никифорович зарекся выходить из дома после давешних обильных возлияний. Во всяком случае, пока голова не придет в норму.

Большая семья

У Павла Олеговича был родной брат-близнец Федор Олегович, и они вместе, как говорят, оба, состояли в близком родстве с Ольгой Олеговной, приходящийся им родной сестрой-близнецом, а так же еще и Семену Олеговичу, Петру Олеговичу, Сергею Олеговичу и Олегу Олеговичу. Помимо этого, в этот безудержный шабаш ихнего папаши, чьего имени история, к сожалению, не сохранила, входили сестры-близнецы всех упомянутых выше – Оксана Олеговна, Анастасия Олеговна, Ирина Олеговна и Клавдия Олеговна. Ходили слухи, что их общая маменька, чьи паспортные данные также не дошли до наших дней, одарила этих братьев и сестер близнецов братьями—близнецами Кириллом Олеговичем, Михаилом Олеговичем, Валентином Олеговичем и сестрами-близнецами Ларисой Олеговной, Тamarой Олеговной и Анфисой Олеговной. Учитывая, что злые языки обычно не врут, то данным слухам, безусловно, приходится верить.

Отдельным особняком от этих братьев и сестер близнецов стоял Евдоким Афанасьевич, который так же происходил от ихней скромной маменьки и ихнего же бравого папаши, но отчего-то близнецом никому в этой кодле не являлся.

И, видимо, поэтому именно ему выпала честь перечислить всех своих братьев и сестер близнецов доброму доктору, после того как его доставили в психиатрическую лечебницу, из-за пустяковой семейной потасовки.

Быт на Северном Полюсе

Бородатый полярник Иван Афанасьевич Ледовой жил в скромной снежной «иглу», где-то на бескрайних ледяных просторах Северного Полюса, со своим неразлучным другом – пингвином Семеном Глыбой.

Впрочем, Иван Афанасьевич точно не знал, является ли пингвин Семеном, а не, скажем, какой-нибудь там Агафьей, и поэтому, дабы не обидеть друга, обращался к нему только по фамилии.

Предвидя едкие замечания различных умников о том, что на Северном Полюсе пингины не водятся, со всей ответственностью заявляем – водится! Правда, только один – привезенный Иваном Афанасьевичем с симпозиума полярников, проходившим на Южном Полюсе.

Пока Иван Афанасьевич занимался научной работой, выращивая в леднике зерновые культуры и различные грибы, Семен Глыба занимался охотой на Игната – старого дошедшего до ручки белого медведя.

Этот Игнат влачил свое жалкое существование в ледяной расщелине и выбирался из нее только с целью разграбить ледник на предмет грибов, и, пользуясь отсутствием Ивана Афанасьевича дома, залезть в «иглу» на предмет канистры со спиртом. Более ни чего в этой жизни Игната не интересовало.

И вот поскольку Ивану Афанасьевичу было некогда возиться с опустившимся медведем, эту заботу и взял на себя Семен Глыба. Вооруженный старенькой берданкой Ивана Афанасьевича, Глыба устраивал засады на подступах к «иглу» и леднику. И хотя Игнат не менял своих привычек и ходил одним и тем же маршрутом, постоянно натываясь на засады, шквальный огонь, производимый Глыбой, никакого эффекта не производил, так как шкура старого медведя настолько огрубела, что пули отскакивали от нее с печальным звоном и даже иногда возвращались рикошетом в стрелка.

Так и проходили долгие полярные дни и ночи: Иван Афанасьевич хлопотал в леднике, Семен Глыба отстреливал Игната, а Игнат воровал грибы и спирт.

Измельчавший мужик

Бочкин с раскрасневшимся лицом расхаживал по гостиной, искоса поглядывая на Марию Петровну, которая сидела за столом, потягивая красное вино.

В какой-то момент Бочкин не выдержал и, на секунду зажмурившись, решительно шагнул к столу.

– Знаете, любезная Мария Петровна, вы сегодня выглядите просто восхитительно!

Мария Петровна посмотрела на Бочкина и, пожав плечами, сплюнула на пол.

– Чуть несете, Бочкин. Выгляжу как всегда, – сказала она и закурила папиросу.

– Нет-нет, любезная Мария Петровна! Позвольте с вами не согласиться – сегодня вы выглядите как-то по особенному! Как-то торжественнее и прекраснее!

Мария Петровна вторично сплюнула на пол и, с сомнением посмотрев на бокал вина, отодвинула его в сторону.

– Вы, Бочкин, чем трепаться попусту, лучше бы коньяку принесли или водки на худой конец. А то поите каким-то пойлом паршивым, да еще и кислым к тому же.

Бочкин покраснел еще сильнее и тихонько икнул.

– Ах, простите великодушно, любезная Мария Петровна! Я, честно говоря, как-то не ожидал, что вы... впрочем, что же это я? Я мигом, Мария Петровна! Одну минуточку!

И Бочкин в сильнейшем смущении выскочил из гостиной и бросился на кухню к холодильнику. А через минуту уже вбежал обратно в гостиную с запотевшей бутылкой водки и маленькой стопочкой в руках, которые торжественно водрузил на стол.

– Бочкин, вы с ума сошли! Я вам что, кокетка дешевая из таких наперстков пить? Стаканы несите! И чтобы два! Я вам не алкаш не долеченный в одну физиономию упиваться.

Бочкин совсем расстроился и стал икать уже совсем не тихо. Вернувшись с двумя граненными стаканами, поставил их на стол и осторожно налил по чуть-чуть водки.

– Эдак, Бочкин, и помереть с вами можно. Дайте сюда! – Мария Петровна буквально вырвала из рук Бочкина бутылку и наполнила стаканы до краев. – Вот так надо, Бочкин! Вот теперь совсем другое дело! Будем!

Стукнув свой стакан о стакан Бочкина, Мария Петровна залпом влила себя огненную жидкость, после чего моргнула и, занюхав папироской, закурила. От увиденного у Бочкина отвисла нижняя челюсть и начал подергиваться левый глаз. А Мария Петровна, смачно сплюнув на пол, вновь наполнила свой стакан до краев.

– Что же вы не пьете, Бочкин? Как глупости болтать, так павлином расхаживает, а как с дамой беленькой накатить, так пасует беспардонно. Давайте-ка!

Она снова стукнула свой стакан о стакан Бочкина и махом его осушила. Бочкин выдохнул, насколько смог, крепко зажмурился, и стал поглощать обжигающую жидкость маленькими глоточками. Осилив пол стакана, Бочкин почувствовал, что его сейчас же вывернет. Ухвативши обеими руками себя за рот, он пулей вылетел из гостиной. Мария Петровна усмехнулась, смачно харкнула на пол и, затушив папироску о скатерть, осушила остатки водки прямо из горла. Затем протяжно и звучно рыгнула, хрустнула шеей и налила в стакан красное вино.

– Что-то измельчал нынче мужик. Только и хватает, что языком трепать, а как до дела... Пойти глянуть, что ль, а то как бы не загнулся с непривычки-то...

Выпив вино, Мария Петровна, вздохнула, поднялась было, чтобы направиться в ванную комнату, откуда доносились не совсем аппетитные звуки, но передумала и снова уселась на стул.

– А, да черт с ним. Выживет. Ничего. Я его воспитаю. Я из этого Бочкина такого мужика сделаю, что все бабы обзавидуются. Только бы раньше времени не загнулся...

Икота

Свистунов, откушавши дешевого портвейну, валялся теперь в непотребном виде посреди грязной кухни и отчаянно икал.

А супруга Свистунова, откушавши дешевого коробочного вина, валялась на полу в грязной спальне. Также в непотребном виде и отчаянно икая.

А дети Свистуновых, в количестве восьми штук, откушавши какой-то гадости найденной на улице, валялись на полу в грязной гостиной и отчаянно икали.

Припершийся из любопытства участковый, зачем-то откушал из кастрюльки подозрительного супа, и теперь валялся в непотребном виде в грязной уборной и отчаянно икал.

Дворник Тихон, зашедший стрелкнуть трёшку до полочки, узрел всю эту икающую братию, смел их метлою на совок и снес на помойку. За ненадобностью.

После чего поперся занимать трёшник к Свищевым, из квартиры которых тоже доносились икота.

Напугал

Олег Захарович откушал на завтрак бутерброд с колбасою и сыром под чашечку кофею. Вот так: чинно благородно – оттопыривши мизинцы, выкушал кофе и мелкий бутербродец.

Анна Серафимовна, супруга Олега Захаровича, даже глазам своим не поверила, увидевши это дело. А Олег Захарович, увидевши такое удивление супруги, сделал лицо необычайно важным и обтер губы салфеткой, отчего Анна Серафимовна не поверила глазам вторично, и плюхнулась на табурет.

И тут Олег Захарович не выдержал и, дико расхохотавшись, отчаянно рыгнул, сплюнул на пол, обтер рожу рукавом, икнул, вынул из-под стола банку с брагой, смачно приложился, опять рыгнул, и, обтершись рукавом, закурил папиросу и весело взглянул на супругу.

И тут Анна Серафимовна облегченно выдохнула, погрозила Олегу Захаровичу пальцем, и, весело насвистывая, ушла по своим делам.

Дружная семья

Братьев-близнецов Етишкиных было ровно восемь человек. А именно: Сергей Михайлович, Эдуард Петрович, Михаил Евгеньевич, Павел Семенович, Валентин Григорьевич, Андрей Эдуардович, Семен Олегович и Алевтина Прокофьевна. И этот факт несколько тревожил их маму Галатею Изольдовну Разгуляеву и папу Елизара Агафоновича Раздолбаева.

А в целом, семья, конечно, была очень дружная.

Бубновый туз

Дмитрию Петровичу снилось, будто он никакой не Дмитрий Петрович, а натурально бубновый туз, спрятанный в рукаве у шулера. А поскольку по жизни Дмитрий Петрович слыл очень порядочным и честным человеком, то совершенно неудивительно, что такое положение вещей вызывало в нем возмущение.

Не желая участвовать в карточной афере, Дмитрий Петрович изловчился и в самый неподходящий момент вывалился из рукава шулера, за что шулер был нещадно бит различными тяжелыми предметами. А напоследок, шулера заставили сожрать Дмитрия Петровича. То есть, конечно, не самого Дмитрия Петровича, а его проекцию в бубновом тузе. Что шулер и сделал, отрывая от карты по кусочку и тщательно разжевывая.

При этом сам Дмитрий Петрович, который натуральный, почувствовал себя крайне неприятно – будто бы его действительно едят. И открывши глаза обнаружил, что его ухо задумчиво жует дог Арчибальд, который каждое утро таким образом намекал, что пора вставать и отправляться на прогулку.

Будильник

Петр Аркадьевич, не открывая глаз, шарил рукой по прикроватной тумбочке в поисках оглушительно звенящего будильника, который, судя по всему, достаточно ловко уворачивался или прикидывался посторонними вещами, так что Петру Аркадьевичу волей-неволей все-таки пришлось открыть глаза.

– Подлец! – сказал он мгновенно обнаруженному будильнику, искусно притаившемуся за стаканом с водой. – Изверг! Да поржавеют твои шестеренки!

Тяжело вздохнув, Петр Аркадьевич перевел стрелку звонка на пятнадцать минут вперед, подкрутил завод и, открывши тумбочку, достал из нее початую бутылку коньяку и мерный стакан. Начислив ровно сто семьдесят три миллилитра, залпом выпил, убрал все обратно, откинулся на подушку и снова уснул.

Спустя пятнадцать минут будильник зазвонил вновь.

– Скотина! – сказал Петр Аркадьевич будильнику, переводя стрелку звонка еще на десять минут вперед. – Да полопаются твои пружины!

Тяжело вздохнув, он поставил будильник на тумбочку, и принял очередные сто семьдесят три миллилитра коньяку, после чего снова улегся.

Через десять минут история повторилась. Потом еще раз. И еще. А потом Петр Аркадьевич решил, что уже достаточно пьян, чтобы никуда не ходить, и более не включая звонка, засунул будильник под подушку и, поплотнее укутавшись одеялом, с довольной улыбкой на лице погрузился в крепкий сон.

Обычные будни

Дмитрий Лукич, выкушавши графинчик водочки, под маринованный грибок да огненный борщик, пребывал теперь в состоянии душевной гармонии и, возлежа в гостиной на топчанчике, ковырял в зубе отверткой, мурлыкал легкомысленный романс и размышлял о женщинах.

А в то же самое время, с холма Верхний Сопель, пробиваясь сквозь сугробы, доходящие до плеч, спускался древний Кука.

С его косматых бровей свисали исполинские сосульки, путающиеся под ногами, и затрудняющие и без того тяжелый спуск.

Периодически Кука делал остановку, обкусывал сосульки в три приема и, издавши чудовищный рык отчаяния и тоски, продолжал свой путь.

В то же самое время, в небе над Кологривом появился парашютист на оранжевом парашюте.

С земли, если пристально всматриваться, можно было различить, что парашютист имеет неприятные зеленоватые черты лица, отчаянно плюется и нехорошо выражается, так что местные кологривские мужики с нетерпением ожидали его приземления.

Но приземлиться парашютист не смог, так как сильнейший порыв ветра унес его в неизвестном направлении.

А еще, в то же самое время, некая гражданка Втюхина пришла в гости к некоему гражданину Козырь-Тузову, и они...

Впрочем, это уже другая история. И она вряд ли вас заинтересует.

Бумеранг

– Знаете, Елизавета Павловна, мне тут с оказией чудную вещицу доставили. Прямо из Африки. Мой старый приятель изучает в тамошних местах какие-то дикие племена, и вот прислал мне этот подарок. Называется – бумеранг.

– И чего же в нем такого чудесного, Павел Игнатьевич? Палка – как палка. Кривая только. Она, поди, и в печку-то не влезет.

– В печку? Скажете тоже, Елизавета Павловна! Это ведь самое что ни на есть настоящее оружие диких африканцев!

– Да ну вас, Павел Игнатьевич! Оружие... Для детей разве: можно ружье изображать или большой пистолет.

– Зря смеетесь, Елизавета Павловна! Это, конечно, не ружье и даже не пистолет, но оружие не менее опасное! И, кроме того, совершенно бесшумное!

– Конечно – какой же тут шум от деревяшки? Разве только по кумполу кому-нибудь приложить. Да и то, шум от хозяина кумпола приключится.

– Вот тут вы правы, Елизавета Павловна! Именно, что приложить! Но приложить находясь на приличном расстоянии: дикарь прячется в засаде и поджидает, когда его жертва покажется на горизонте. И как только она появляется, дикарь кидает в него бумеранг!

– Тю! Чем кривую палку кидать – уж лучше камнем, оно надежнее! Как приложит, так приложит.

– Ну, Елизавета Павловна, во-первых, камень так далеко не добросишь, а во-вторых, в отличие от бумеранга, камней не напасешься.

– А что, у них там эти деревяшки под ногами валяются?

– Под ногами они, конечно, не валяются, но обладают замечательным свойством: если бумеранг не попал в жертву, то он возвращается обратно к хозяину! Представляете?

– Ох, и заливать вы, Павел Игнатьевич! Да где это видано, чтобы палка обратно возвращалась? Разве что в руке того, в кого попала! Брешете вы все, Павел Игнатьевич, как воду пьете! Чего только не насочиняете, чтобы меня соблазнить! Но только уж не надо меня за дуру деревенскую держать! Это оскорбительно, в конце концов! Я уж лучше к Тюлеву пойду – ему тоже с оказией кой чего прислали. Из Парижу. И он обещал эти духи мне сосватать, коли приду. Так что сидите тут со своей палкой и поджидайте дур неученых. Прощайте!

Елизавета Павловна резко встала и вышла в сени, хлопнув дверью.

А Павел Игнатьевич неспешно встал с кресла, подошел к распахнутому окну, заметил удаляющуюся по тропке Елизавету Павловну, усмехнулся и резко метнул африканскую кривую деревяшку ей вслед.

С оказией, так сказать.

Бурум-бурум

– Бурум-бурум, – весело сказал Дмитрий Петрович и, зычно икнувши, упал со стула. При этом он зацепил скатерть и обрушил на пол тарелки, вазы и супницы с кастрюльками.

– Скотина! – выругалась Елена Арнольдовна, и в гневе швырнула в Дмитрия Петровича вилку, да так, что та воткнулась ему прямехонько в лоб.

В ответ Дмитрий Петрович, осторожно потрогав вилку, громко рассмеялся и, крикнув «Держи ответку!», метнул в Елену Арнольдовну кастрюлю. Да так, что та наделась на супругу на манер рыцарского шлема, полностью скрыв лицо.

Насилу вынув голову из кастрюли, совершенно взбешенная Елена Арнольдовна, метнула в продолжающего громко ржать Дмитрия Петровича еще несколько вилок, а заодно и столовые ножи, отчего голова супруга стала походить на оцетинившегося ежа. После чего вновь водрузила кастрюлю на голову в качестве бронебойного шлема.

Оценив превосходство защиты Елены Арнольдовны от проникающих ранений, Дмитрий Петрович воспользовался шумовым оружием – стал со всего размаху стучать по кастрюле, на голове супруги, другими кастрюлями и супницами. Последние хоть и держались не долго, но в плане шума были эффективнее, так как в момент разлома ужасающе скрежетали осколками по эмали.

В какой-то момент Елена Арнольдовна не выдержала психической атаки и, изловчившись, боднула шлемом Дмитрия Петровича в пах, отчего тот потерял способность смеяться, а также и равновесие.

Падая, он зацепил Елену Арнольдовну, и они вместе повалились на пол, где предались плотским утехам, после чего, сели пить чай с малиновым вареньем.

Хорошо-с

Семен Петрович, выкушавши с утра графинчик водочки под соленый огурчик и маринованный грибок, теперь возлежал на диванчике и, почесывая свое безмерно волосатое пузо, задумчиво рассматривал потолок, равномерно засиженный мухами.

– Хорошо-с, – думал Семен Петрович. – Вот возлежишь себе на ложе и ничегошеньки больше и не надоть. Ну, то есть, совершенно! Другие-то, небось, суетятся чего-то, рыщут, скачут, работу работают – а ты лежи себе на диванчике и в ус не дуй!

Тут Семен Петрович почувствовал под пальцами, почесывающими пузо, нечто странное, и, приподнявши голову, обнаружил, что на пузе, среди волосяных зарослей, довольно бесцеремонно копошатся черви и какие-то жуки.

– Ах ты ж!!! – вскричал Семен Петрович и попытался вскочить с дивана, отчаянно обтряхивая пузо.

Однако ни вскочить, ни стряхнуть мерзость ему не удалось: какая-то невидимая сила намертво пригвоздила его к дивану. Да так, что и двигаться стало не возможно, не то, чтобы встать.

– Что за дьявольщина?! – прохрипел Семен Петрович, не оставляя отчаянных попыток оторваться от дивана. – Помогите!!! Кто-нибудь!..

Но тщетно. Никто не шел к нему на помощь.

И только лишь спустя несколько дней, когда невыносимое амбре, наконец, стало надо-едать соседям и те вызвали милицию, к Семену Петровичу помощь пришла.

– Ну, наконец-то! – обессиленно прохрипел Семен Петрович милиционерам. – Я уж почти неделю тут лежу – ни пожрать, ни в уборную сходить! Только мне не милиция нужна, а доктор – позовите врача! И стряхните кто-нибудь с меня эту гадость!!!

Семен Петрович, сделав нечеловеческое усилие бровями и глазами, указал взглядом на червей и жуков, уже полностью покрывающих его тело.

– Ишь ты! – сказал один из милиционеров. – Ну и рожа!

– Посмотрел бы я на тебя, если бы из твоей башки тоже топор торчал, – ответил дру-гой. – Небось, еще и не такую бы рожу скорчил.

– Ну, это – да. Как оформлять будем?

– Как-как... Бытовуха. Квартира вроде не ограблена, значит, кто-то из собутыльников его приложил – так что быстро найдем. Зови понятых, Сань, а я пока протоколом займусь...

– Ладно! Но все-таки рожа у него уж больно зверская...

И тут внутри Семена Петровича страшно похолодело, он издал шипящий звук, и его сознание рассыпалось в прах.

Бюстик

Петр Афанасьевич, раздобывши где-то бронзовый бюстик какого-то африканского диктатора, повесил его на веревку, и, со свистом раскрутив, приложил к голове Семена Егоровича.

Семен Егорович не был йогом или, там, каким-нибудь шаолиньским монахом, однако такой фортель пережил, и даже отодрав от головы бюстик, без всяких, там, раскручиваний, ответно приложил к голове Петра Афанасьевича.

Видавший виды череп Петра Афанасьевича ответного подвоха не ждал, и пришел в полную негодность, отчего сам Петр Афанасьевич натурально преставился.

А Семен Егорович, заштопавши суровой ниткой дырку в своей голове, спокойно допил чай с малиновым вареньем, и, обтерев бюстик африканского диктатора от запчастей Петра Афанасьевича, сунул его в карман, перешагнув через поскучевшего друга и удалился по своим делам.

Так что, будете в гостях у Семена Егоровича, обратите внимание на рояль – бюстик и ныне там.

Маньяк

В городе N завелся настоящий маньяк, специализирующийся на старушках. И данная специализация носила несколько специфический характер: маньяк похищал старушек, усыплял их и отправлял в товарном вагоне в другой конец страны. Так что в скором времени в городе нельзя было встретить ни одной старушки. Либо они уже были похищены, либо боялись выходить из дома.

В общественном транспорте стало свободно, в магазинах и на почтамтах никто не кричал и не качал права, у подъездов никто не язвил в спину. В пунктах выдачи пенсий и приема коммунальных платежей стало пустынно и скучно. И видимо поэтому, правоохранные органы не спешили с поимкой страшного изувера.

И тут случилось непредвиденное: город буквально заполнили осмелевшие старички! Создавалось впечатление, что целая армия отсиживалась в подполье или партизанила в пригородных лесах. И когда «враг» покинул территорию, вся эта армия вывалила на улицы города. И не просто вывалила: старички, в большинстве своем, стали давать жару похлеще самых вредных старушек! И вскоре в городе полностью парализовало всю социальную инфраструктуру, и среди мирного населения началась легкая паника.

Маньяк видимо тоже осознал свою оплошность и рассудив, что его одного на всех старичков не хватит... вернул всех похищенных старушек обратно в город!

Три дня и три ночи продолжалась жестокая схватка в общественном транспорте, в магазинах и почтамтах, на скамейках у подъездов. А что творилось в пунктах выдачи пенсий и приема коммунальных платежей и вовсе описывать страшно. Итогом стало то, что армия старичков вновь засела в подполье или отправилась партизанить в пригородных лесах. А воинственные старушки героически вернули свой грозный статус.

Правда теперь они появлялись на улицах мелкими, вооруженными костылями и палками отрядами, так что маньяку пришлось умыть руки и ретироваться в неизвестном направлении.

В гости

Петр Петрович отправился в гости к Ивану Семеновичу, да не застал того дома.

– Вот так дела, – подумал Петр Петрович и, почесавши голову, направился в гости к Евгению Павловичу. Но и того не застал дома.

– Что за шут такой? – подумал Петр Петрович и, почесавши голову, направился в гости к Федору Ильичу, да как назло и того дома не оказалось.

– Ну что ты будешь делать? – подумал Петр Петрович и, почесавши голову, поперся к Афанасию Михайловичу. Но и там ничего не выгорело – того тоже не было дома.

– Ах ты, леший! – подумал Петр Петрович и, почесавши голову, тяжело вздохнул и пошел на реку ловить рыбу.

А в это время Иван Семенович, Евгений Павлович, Федор Ильич и Афанасий Михайлович, пришли в гости к Петру Петровичу, и теперича сидели в приятной компании с Марией Витальевной, супругой Петра Петровича, и, посмеиваясь, пили вино и говорили Марии Витальевне всякий вздор и комплименты.

Животное

В день защиты животных Бабоедов надевал свой лучший костюм и напивался до скотского состояния. После чего грязно приставал к женщинам, кидал камни в окна и устраивал потасовки со служителями правопорядка. Уйдя от погони, подыскивал грязную лужу и укладывался в нее спать.

Животное, одним словом. И говорить тут не о чем.

В десятку

Некая Екатерина, девушка приятная во всех отношениях, под чудесные мелодики Вивальди, или еще какого-то Шуберта, раздающиеся в наушниках, ехала в стареньком уютном трамвайчике, мечтательно, с улыбкой на лице, рассматривая капельки дождя, сползающие по стеклу. В ее душе царил гармония, и даже прослеживались отзвуки поющих птиц и легкий бриз прекрасного настроения.

И, наверное, многие, кто остановил бы сейчас случайный взгляд на Екатерине, невольно залюбовались бы таким приятным видением, рождая в собственных душах хоть маленький, но огонек тепла и некоторого счастья. А что касается пассажиров мужского пола, то, безусловно, в не зависимости от возраста, их либидо самым приметным образом вырвалось бы из летаргического сна и выплыло на поверхность внешнего облика, в первую очередь, выражаясь в пожирающих взглядах и невольных жестах.

Скользнув случайным, безучастным, ни на ком особо не задерживающимся взглядом, по присутствующим, Екатерина вновь обратила свои мечтательные взоры в окно, совершенно не подозревая, что среди людей существует определенная категория лиц, для которых даже мимолетного взгляда достаточно, что бы в их черной склочной душонке разгорелось пламя какой-то прямо-таки животной ненависти.

Вот и в этот раз, взгляд Екатерины оказался бесовской искрой в духовном взрывоопасном газе одной весьма неприятной на вид девицы. Такого рода особи, не имеющие ни эстетического вкуса, ни вкуса вообще, заполняющие свой внутренний вакуум едой и телевизором, выглядящие как бесформенное нечто, размалеванное каким-то бездарем или неопытной рукой ребенка, разодетые в немыслимо несомещающиеся вещи взаимоисключающих форм и цветов, как правило, являются своего рода фабриками желчи, выплескиваемой на окружающих при каждом малейшем случае, поводом для которого может стать даже вот такой безучастный мимолетный взгляд.

Вот и данная особь, разглядев своими мутными шорами какую-то издевку и презрение в свой звездный адрес, с величайшим торжеством, на которое только способен замшелый склочник, разверзла вулкан гнилого красноречия, многие словеса из которого не рекомендуется слышать не только детям, но и взрослым. А уж в приличном обществе и тем паче можно оказаться выброшенным в окно или, если речь об индивидуумах, скрывающихся под мужской личиной, получить требование о немедленной сатисфакции.

И вступать в дискуссии с данными особями совершенно противопоказано – любое изреченное вами слово они вернут вам с троицей, предварительно тщательно измазав его толстым слоем своих интеллектуальных экскрементов.

И поэтому Екатерина, краем глаза случайно заметившая, что попутчица, восседающая напротив, усердно жестикулируя и щедро брызгая слюной, пытается что-то донести ей, причем явно не в лицеприятной форме, и, будучи знакомой с такого рода особями, поступила довольно оригинально.

Внимательнейшим образом, так чтобы это явственно бросалось в глаза, она заглянула в рот девице, изобразила на лице сильнейшее изумление, густо перемешанное с омерзением и испугом, вскрикнула, при этом сильно вздрогнув, будто от ужасно неприятной неожиданности и громко произнесла:

– О господи, какая мерзость!!! Что это?!

После чего, прикрывши рот и нос ладонью, как бы защищаясь от зловредных бактерий, вскочила и, бросая полный ужаса взгляд на попутчицу, пересела на другое, находящееся подальше от нее, свободное место.

Стоит ли рассказывать, какой эффект произвел этот маленький спектакль? Достаточно лишь упомянуть, что мертвецки побледневшая и потерявшая начисто дар речи дамочка, схватившись двумя руками за размалеванный рот и подвывая в ужасе в нечленораздельных тональностях, вылетела «клин-бабой» на первой же остановке, под всеобщий хохот и безусловное одобрение остальных пассажиров.

А Екатерина, с довольно улыбкой на лице, слегка поклонилась окружающим, как актер, с блеском сыгравший свою роль, и вернулась к мечтательному лицезрению капелек дождя, сползающих по трамвайному окну.

Розыгрыш лучшей подруги

Решила как-то раз Екатерина Фёдоровна разыграть Семена Лукича, для чего вырядилась Анной Потаповной и, нацепивши роскошную рыжую бороду и каску брандмейстера, пришла к тому в гости.

И вот Семён Лукич, в рваной тельняшке и бескозырке с одной ленточкой с загадочной надписью «ФТОРПРОМЧЕРМАТМОРТРАСТ», открывает двери липовой Анне Потаповне и, отчаянно дыша перегаром, прямо с порога заявляет, что Семена Лукича нет дома. После чего хватает Анну Потаповну и, с грозным рёвом «ДАЗДРАВСТВУЕТ ФТОРПРОМЧЕРМАТМОРТРАСТ!», насилует.

«Надо же, – думает скрывающаяся под личиной Анны Потаповны насилуемая Екатерина Фёдоровна, – Никогда бы за ним такого не подумала!»

На следующий день, Екатерина Фёдоровна снова является к Семёну Лукичу, но уже безо всяких розыгрышей и со своим натуральным лицом.

А Семён Лукич открывает ей двери и, небрежно стряхивая пылинку с лацкана дорогого пиджака, проводит её в гостиную, где поит чаем с конфетами, после чего сославшись на неотложные дела, выдворяет вон.

«Надо же, – думает Екатерина Фёдоровна, – Каков подлец!» и на следующий день снова приходит к нему под личиной Анны Потаповны. И вновь под грозный рёв «ДАЗДРАВСТВУЕТ ФТОРПРОМЧЕРМАТМОРТРАСТ!» подвергается насилию.

«Надо же, – думает насилуемая под личиной Анны Потаповны Екатерина Фёдоровна, – Какая у него страсть к этой Анне Потаповне!»

И тут входит натуральная Анна Потаповна и, видя себя со стороны насилуемой Семёном Лукичом, падает в обморок.

А Семён Лукич, видя дополнительную Анну Потаповну, распаляется ещё сильнее и набрасывается на неё тоже. А липовая Анна Потаповна видя такое дело, быстренько одевается и убегает из квартиры, так как знает, что когда натуральная Анна Потаповна придёт в чувство, то, являясь законной супругой Семена Лукича, розыгрыш своей лучшей подруги вряд ли оценит по достоинству.

В засаде

Михаил Петрович уже изрядно вымок под затянувшимся холодным осенним морозящим дождем, и теперь, сидя в ивовых кустах, проклинал тот самый час, когда согласился подменить Аркадия Семеновича на этом, мягко говоря, не очень-то почетном посту.

Тут вот что: Аркадий Семенович имел намерение жениться на Варваре Тихоновне, и дабы быть уверенным в, так сказать, «чистоте» будущей супруги, затеял в этих самых кустах возле ее дома засаду, с целью отследить ее посетителей. Особенно в ночное время. А этой ночью ему срочно понадобилось отлучиться по каким-то неотложным делам, и он уговорил Михаила Петровича подежурить вместо него.

Поначалу Михаил Петрович, конечно, отказывался, называя эту затею глупой и постыдной, но старый друг так сильно упрашивал, что тот, скрипя сердцем, согласился.

И вот теперь вымокший и продрогший Михаил Петрович, сидел в «трижды проклятых» кустах и поминал друга нехорошими эпитетами.

– Михаил Петрович, вы ли это? – от неожиданности у Михаила Петровича ёкнуло сердце. Он осторожно повернулся и увидел Варвару Тихоновну собственной персоной.

– Здравствуйте, Варвара Тихоновна... – пролепетал Михаил Петрович, и почувствовал, как щеки буквально вспыхнули от стыда.

– Ну, а где же мой муженек грядущий? Аркадий-то? Что ж он вас-то тут посадил?

– Да вот, дела у него срочные в городе. Пришлось уехать... – Михаил Петрович готов был сквозь землю провалиться.

– Ах, да – что-то такое он мне говорил... – сказала Варвара Тихоновна и засмеялась. – Вот же ревнивец-то, а? А вы, Михаил Петрович, небось, уж и вымокли весь! Эвон, у вас и зуб на зуб не попадает! Пойдемте-ка, я вас горячим чаем напою!

– Ну что вы, не стоит, Варвара Тихоновна...

– Пойдемте-пойдемте! А то простынете совсем или, чего доброго, воспаление легких подхватите. И не спорьте!

Красный как рак Михаил Петрович выбрался из кустов и поплелся за Варварой Тихоновной, пытаясь выдумать на ходу какое-нибудь оправдание. Так пакостно он себя еще никогда не чувствовал. Хотелось броситься бежать без оглядки, но тогда это выглядело бы совсем уж по мальчишески, и ему пришлось бы стыдиться всю оставшуюся жизнь.

В доме отчаянно пахло пирогами, и такое тепло растекалось от отопленной печи, что с холода и сырости Михаила Петровича немедленно стало клонить в сонную негу. Варвара Тихоновна забрала у него промокший плащ и развесила на веревке рядом с печью.

– Ну вот, – сказала она, – А сейчас будем с вами чай пить. Я как раз пирогов напекла. И варенье имеется. А то давайте и остальную одежду – я вам пока плед дам. А то на вас и сухого места нет.

– Да не надо, Варвара Тихоновна, я так... Высохнет как на собаке.

– Собаке... Вот скажи мне, Михаил Петрович, ведь взрослые люди же, а ведете себя, как черте что! Дети, ей богу! Удумали засаду учинить – смех один! Ну ладно Аркадий – ревнивый черт, но вы-то зачем согласились?

– Да уж простите, Варвара Тихоновна...

– Да будет вам! Что я не знаю, что этот черт кого хочешь уговорит? Ой... и смех и грех! Ладно, что уж. Давайте чай пить.

Они пили чай до самого утра. Варвара Тихоновна без умолку что-то рассказывала о себе, своей жизни, о ревнивом Аркадии, о том, как будет хорошо, когда они поженятся и пойдут детишки. И что б обязательно два мальчика, в помощь отцу, и девочка, что бы всем душу греть. А Михаил Петрович молча слушал ее, с удивлением рассматривал и, улыбаясь,

думал, какая, в сущности, прекрасная женщина Варвара Тихоновна, и что завтра же, он обязательно по-дружески даст Аркаше в морду, и навсегда отвадит от всяких глупостей...

ПЛОДОВИТЫЙ СЫН

В некотором царстве, в некотором государстве, жил-был царь. Ну, скажем, Аристарх. И было у этого царя, как водится, три сына. Ну и, соответственно, старший сын имел четыре высших образования и в данный момент получал пятое, не совсем, правда, будучи в курсе, зачем ему это надо. Средний сын покупал за рубль, а продавал за пять, отчего звался в народе аферистом и жуликом. Ну, а младший – слыл легким идиотом, целыми днями валялся на печи и пускал слюни, пугая прислугу диким хохотом. В общем, не особо повезло папаше-царю с наследниками.

И решил тогда Аристарх женить своих сыновей, рассчитывая, что хотя бы от внуков толк будет. А как решил, так сразу и женил. Старшему досталась дочь придворного мудреца, среднему – известного купца, а младшенькому привезли малость кривенькую из заморской деревни. Ну и стал царь внуков дожидаться.

Первые внуки полезли спустя три года и три месяца. И, причем, только у младшего. Старший, видишь ли, весь в учебе, некогда. У среднего из-за нервного бизнеса с мужским здоровьем нелады. А младший хоть и идиот-идиотом, да в итоге догадался, что с молодой женой делать. И так догадался, что ажно в раж вошел! И спустя еще три года и три месяца, после первого потомства, во дворце от этих внуков уже проходу не было! Хоть засаливай! А младший все никак успокоиться не может. И что самое паскудное, что все эти внуки пошли в папашу. Один в один. Кругом валяются, пускают слюни и дико хохочут.

В общем, понял царь Аристарх, что и с внуками не выгорело, и от огорчения преставился. Такие дела.

А внуки, кстати, заполонили все царство в миллиардном количестве и стали проникать в сопредельные государства для последующего размножения. Говорят, кроме дуста их ничего не берет...

Случай в неясном измерении

Как-то раз, прогуливаясь в неясном измерении, Федор Игнатьевич столкнулся нос к носу с астральным оленем. Но поскольку измерение, как мы уже отметили, было неясным, и неясным до такой степени, что зачастую и вовсе ни черта нельзя было разобрать, то Федор Игнатьевич принял астрального оленя за неуравновешенного лося.

– Сам ты лось! – обиженно сказал астральный олень, прочитавши мысли Федора Игнатьевича и уковылял куда-то в неясность.

– Какой странный тип, – подумал Федор Игнатьевич и громко крикнул: – Еще раз встречу – рога посшибаю, лось сохатый!

В ответ Федору Игнатьевичу прямо в голову прилетела лошадиная подкова, из-за чего он из неясного измерения мгновенно переместился в измерение с неясностями, что, конечно же, уже совсем другое дело.

В предвкушении

«Вот сейчас! – восторженно думал Михаил Матвеевич, сидя в шкафу, – Вот сейчас откроется дверь, она войдет и...».

Михаил Матвеевич в нетерпении заёрзал, отчего обрушил на себя вешалки с одеждой.

«Ах, дьявол, – мысленно выругался он, – Этого еще не хватало! Она войдет, а я тут в платьях запутавши... Эдак и шею сверну, когда выскакивать буду».

Михаил Матвеевич судорожно, на ощупь, стал развешивать все обратно, отчего шкаф отчаянно заскрипел.

«Да что ж ты скрипишь, окаянный! – вновь выругался он, – Ты ведь эдак меня с потрохами выдашь!»

Решив, что белье можно будет развесить и после, он осторожно втоптал его в угол и затих.

«Ну, давай же – входи! – не сдерживая улыбки, думал Михаил Матвеевич, – Ах, что сейчас будет! Воображаю себе! Вот она сейчас войдет и...».

Михаил Матвеевич вновь заерзал от нетерпения.

«Ну где же ты? – думал он, – Пора уже входить! Вот сейчас! Ну же! Давай!..»

В коридоре скрипнули половицы, отчего Михаил Матвеевич задержал дыхание и замер. Даже восторженные мысли о предстоящем сжались в сладкий, мучительно нетерпеливый комок, готовый разорваться в любую секунду.

«Ну!..» – взмолился разум Михаила Матвеевича, и дверь в спальню еле слышно отворилась.

– Та-дам!!! – вскричал совершенно нагой Михаил Матвеевич, выскакивая из шкафа.

– Падла!!! – вскричал, не вовремя вернувшийся из командировки, ошалевший муж...

Запредельные страсти

В семье Забубиных царили прямо-таки запредельные страсти.

Судите сами: сначала загадочным образом главу семейства постигает внезапная смерть от отравления некачественной водкой.

Потом на его поминках травятся на смерть еще двенадцать человек. И все как один – родственники усопшего. Причем травятся они все от той же самой водки, коей в подполе оказалось несколько ящиков: просто вдове было жаль выливать пойло, чтобы потом еще тратиться на спиртное для поминок.

Таким образом, количество усопших резко возросло, так как и на их поминки выставили ту же самую водку. Эту вакханалию решительно прекратил новый супруг вдовы, который о чем-то таком догадывался и поэтому все внушительные запасы смертоносного пойла беспощадно, нет, не вылил, а продал в соседнее село.

Вскоре это село прекратило свое существование ввиду резкого вымирания местных жителей, которых и так-то было не так уж и много.

Новый предприимчивый супруг вдовы вскоре и сам стал вдовцом, так как любезная супруга, поперхнувшись бутербродом с колбасой, приказала долго жить.

Никто уже и не удивился тому факту, что на ее поминках таинственным образом так же неудачно поперхнулись бутербродами все ее родственники. Хотя особо смелые очевидцы и приоткрывали завесу таинственности, утверждая, что за процессом поедания бутербродов следил лично вдовец с двустволкой в руках.

Сам вдовец тоже долго не протянул, так как имел неосторожность повторно жениться на какой-то подозрительной Клавке-Два-Штриха, которая из-за значительного количества наколок имела натуральный синий цвет кожи, чем приводила в неистовство всех местных собак.

Ну, тут в смерти вдовца ничего таинственного особо и не было – одним прекрасным утром его нашли в уборной с заточкой между ребер, а Клавки-Два-Штриха и след простыл.

Говорили, правда, что она периодически устраивала набеги с бандой головорезов на окрестные села, но тут уже нам рассказывать нечего, так как сами мы не в курсе.

Философский взгляд

Прогуливался как-то раз Степан Лукич по берегу реки, предаваясь различным философским измышлениям, которым так способствует выпитая на кануне бутылочка перво-классного первача. Прогуливался и вслух размышлял:

– А ведь, в сущности, это не я прогуливаюсь по берегу реки... В сущности я вообще стою на месте... Это сам берег прогуливается подо мною... И река прогуливается рядом со мною... И лес этот с птичками и зверушками... А я просто стою и наблюдаю за происходящим... Да-с... Даже, честно говоря, уже ноги побаливают от столь продолжительного стояния... Пожалуй стоит прилечь...

И Степан Лукич завалился в кусты.

А берег реки, сама река, лес с птичками и зверушками, продолжили свою прогулку, так что вскорости Степана Лукича занесло к черту на кулички и, после того, как он пришел в себя, ему понадобилось двое суток, чтобы добраться обратно домой.

Чистейшая правда

Валентин Егорович напился денатурату с политурой и теперь прогуливался по улице, пребывая в благодушном приподнятом настроении. Он игриво строил глазки встречным дамам, затейливо срыгивал фантастическими зелеными парами и насвистывал веселую мелодию. Кажется что-то из Шопена вперемешку с Брамсом.

Легкий променад Валентина Егоровича, как правило, оканчивался возле магазина автозапчастей – там Валентин Егорович догонялся незамерзающей жидкостью для стеклоомывателя, делал несколько понюшек аккумуляторной кислоты, пшикался аэрозолем для растворения ржавчины и направлялся в сторону дома. Все так же строя глазки, срыгивая ядовитыми парами и насвистывая Моцарта вперемешку с Бахом.

А дома, Валентин Егорович выпивал и вовсе что-то несусветное, закусывал подсоленным папье-маше и ложился спать.

И если вы думаете, что мы вам тут навкручивали про Валентина Егоровича, то знайте – в наших слова чистейшая правда! Можете сами спросить у Валентина Егоровича – он, безусловно, это подтвердит.

Речь защиты

Нет, тут мы со всей ответственностью заявляем, граждане народные судьи, что Васька Семечкин совершенно не виноват в том, что засандалил кирпич в окошко гражданина Скудозубова. Ежели на то пошло, то этот самый Скудозубов и есть главный виновник происшествия!

Вот скажите, за каким псом, уважаемые граждане народные судьи, этот, с позволения сказать, провокатор, Ваське Семечкину в окошко рожи корчил? А так же совершенно не исключено, что, со слов Васьки, он еще и плевался и выражался по матушке!

Таким образом, тонкая душевная конституция Васьки не выдержала и он, конечно, сгоряча дал маху, зафинтивши этот злосчастный кирпич в окно Скудозубову. Причем, граждане народные судьи, прошу учесть тот факт, что Васька специально в морду Скудозубова не целился, что таким образом исключает намеки некоторых присутствующих на злой умысел со стороны Васьки причинить физический вред гражданину Скудозубову. А то, что Скудозубов, увлекшись своими провокациями, не успел свою рожу от окна убрать, то, что ж – тут, как говорится, граждане народные судьи, бог шельму-то и пометил.

Теперича, граждане народные судьи, гражданин Скудозубов, по словам очевидцев, вовсе не провоцировал Ваську Семечкина, а выражал, якобы, свое недовольство по поводу того, что Васька кидал в окно Скудозубова мелкие камешки и криком зазывал на свидание его супругу, гражданку Скудозубову.

Так вот, граждане народные судьи, поскольку присутствующий тут якобы потерпевший говорить опосля кирпича определенно не может, то позвольте усомниться в этих высказываниях очевидцев, которые, конечно, люди случайные и сутью вопроса не владеют.

Во-первых, в окошко было совершенно не ясно с какой целью гражданин Скудозубов корчил рожи, плевался и выражался по матушке. Может, конечно, и выражал недовольство, как это могло показаться случайному прохожему со стороны, но мы беремся утверждать, что именно провоцировал! Ибо, во-вторых, Васька Семечкин не мог зазывать на свидание супруги гражданина Скудозубова по той простой причине, что гражданка Скудозубова уже с месяц как преставилась по старости лет, о чем Васька, безусловно, знал.

Вот и скажите, граждане народные судьи, с чего бы Ваське, даже и слегка не трезвому, зазывать на свидание покойницу, к тому же еще и креммированную, о чем имеется соответствующая справка? Правильно! Незачем! Следовательно, никого Васька Семечкин, ни на какие свидания не зазывал, а всего лишь пел песню о несчастной любви, каковую эти, так называемые, случайные свидетели и приняли за сомнительные зазывания. И поскольку мы не можем выяснить у гражданина Скудозубова, по причине отсутствия зубов, что думал именно он, то мы предлагаем принять это версию за основную.

Посему действия самого гражданина Скудозубова охарактеризовать как провокационные, повлекшие за собой акт членовредительства. То есть, граждане народные судьи, можно сказать, что этот мерзавец Скудозубов как бы сам бросил себе в окно кирпич и успел застать его на подлете.

Таким образом, совершенно определенно видится, что Васька Семечкин в этом весьма неординарном деле и есть самый натуральный потерпевший. Посему Ваську Семечкина необходимо, безусловно, отпустить на все четыре стороны, а с гражданина Скудозубова спросить по всей строгости нашего сурового, но справедливого Советского закона.

Спасибо за внимание. Я закончил.

Вещий сон

Дмитрию Олеговичу приснилось, будто бы он крадется по темному дремучему лесу с большим сачком, на вроде того, каким ловят бабочек, только размером побольше и вместо марли холщовый мешок.

И вот, Дмитрий Олегович крадется среди деревьев, и при этом старается издавать как можно меньше шума. Но это у него мало получается, так как ноги каждый раз норовят наступить на лягушек, которые либо начинают истерично квакать, либо взрываются под ногой со звуком ружейного выстрела. И совершенно естественно, что производимый гвалт и грохот никак не могут способствовать удачной охоте Дмитрия Олеговича.

Но Дмитрий Олегович не унывает, а лишь тихонько чертыхаясь, продолжает красться с сачком наперевес, высматривая добычу.

Поскольку это был всего лишь сон, то и добыча, на которую охотился Дмитрий Олегович, была не вполне себе обычная – Дмитрий Олегович охотился на еловые шишки.

Нет, разумеется, он не собирался их есть – хоть это был и сон, но даже во сне Дмитрий Олегович оставался, насколько это возможно, благоразумным человеком. Шишки ему нужны были для самовара. Просто в отличие от реального мира, в мире сна шишки обладали прескверным характером и тремя маленькими кривенькими ножками, с помощью которых они довольно резво удирали от охотника, строя ему на ходу довольно оскорбительные рожи.

Так что, как видите, задача у Дмитрия Олеговича была не из легких. Поэтому в какой-то момент он чертовски устал от взрывающихся лягушек и убегающих шишек, и прилег передохнуть под елку. Во всяком случае, ему так показалось, что эта была елка. Но поскольку во сне нельзя быть ни в чем уверенным, то и елка на деле оказалась вовсе не елкой, а хитроумно замаскировавшейся шишкой.

И как только Дмитрий Олегович закимарил, эта шишка как следует опершись на две ноги, скривила умопомрачительную рожу и, что было сил, прихлопнула Дмитрия Олеговича третьей ногой.

Дмитрий Олегович издал невнятное «ква» и, лопнув во сне, умер наяву. Но не из-за сна, а от того, что ему на голову упала пудовая гиря, которую он зачем-то хранил на книжной полке, висевшей над изголовьем кровати.

История, конечно, глупая, но один вывод из нее вынести все же можно: быть раздавленным во сне шишкой – это к пудовой гире.

Вздрогнул

Первый раз Иван Гершевич вздрогнул, когда за окном что-то ухнуло и заорало котом.

Второй раз, когда он запивал «первый раз» хорошей стопкой водки.

Третий раз Иван Гершевич вздрогнул, когда позвонили в дверь.

Четвертый, когда он запивал «третий раз».

На пятый, когда Иван Гершевич решил не делать паузу после четвертого вздрагивания.

В шестой раз он вздрогнул от того, что в дверь снова позвонили, и при этом зазвонил телефон.

Так что Ивану Гершевичу пришлось вздрогнуть и седьмой раз, помяная шестое вздрагивание.

Ну, а восьмой раз Иван Гершевич вздрогнул уже по собственному почину.

Сердчишко не выдержало таких нервов.

Да и шутка ли?

Страшное видение

Было как-то Петру Евгеньевичу, пока тот восседал в уборной, размышляя над глобальными проблемами человечества, видение, будто явился ему покойный Павел Фомич, в одном исподнем и слегка потрепанного вида, как, в общем-то, и полагается покойнику.

Явился, и стоит теперь перед Петром Евгеньевичем, потрясая своей огромной бородой и грозя кривым желтым пальцем, и о чем-то беззвучно вещает. При этом взгляд у Павла Фомича настолько грозен, что Петр Евгеньевич невольно подумал, что случись такому видению привидеться в ином месте, то до уборной он, пожалуй, ни за что не добежал бы.

И вот, значит, бледный Петр Евгеньевич скучно сидит, а зеленоватый Павел Фомич беззвучно вещает. А о чем – совершенно неясно, так как Петр Евгеньевич по губам читать отродясь не умел. А Павел Фомич видит, что тот ни черта не понимает, и оттого еще сильнее сверкает грозным взглядом и отчаянно жестикулирует. Наконец, ему надоело такое непонимание, и он топнул ногой, хлопнул в ладоши и взрывом разлетелся в воздухе, опалив Петру Евгеньевичу брови.

С тех самых пор, после того как Петра Евгеньевича выписали из больницы, он ходил в уборную только при открытых дверях, имея при себе огнетушитель, резиновую шапочку и железную кочергу.

Правда, Павел Фомич более ему не являлся.

Видный жених

– Тут ведь как? – Ключкин откусил плавник у селедки и задумчиво его разжевал. – Если, скажем, вы решитесь, то нам вообще в жизни счастья не видать. А с другой стороны, если вы откажетесь, то и в этом случае ничего хорошего ждать не приходится.

Мария Сергеевна со страхом смотрела, как Ключкин откусил у селедки голову, и когда тот принялся ее разжевывать, содрогнулась от отвращения.

– А вы не стройте из себя королеву тут! – Ключкин тыкнул в сторону Марии Сергеевны грязным жирным пальцем, – Видали мы таких королев! Вот давеча, была одна... Да вы ее знаете – Серафима Петровна! Так вот тоже строила из себя невесть что! И что теперь? Где она? А нигде – другим теперь рожи корчит! Будет знать, как перед таким видным мужчиной выкобениваться...

Ключкин долго отрыгнул перегаром с селедочным запахом, после чего обтер руки об рваную тельняшку, почесал грязным пальцем волосатое пузо, сквозь дыру на пупке, и, чему-то усмехнувшись, закадил недельным окурком.

– Так что, как видите, я с вами предельно откровенен, Мария Сергеевна. Жених я, конечно, видный и на зависть, но характер у меня, сами понимаете, не сахар. Так что...

Ключкин затушил об стол окурочек, задумчиво почесал селедочным хребтом голову, отправил этот хребет в рот и, слюняво жуя, посмотрел на трепещущую Марию Сергеевну:

– Так что, либо решайтесь, но тогда и меня принимайте таким, какой я есть, хоть это и не принесет нам обоим счастья. Или не решайтесь и проваливайте к чертовой бабушке. Но в этом случае хуже всего будет вам, когда осознаете, какого драгоценного человека вы навсегда прохлопали!

Ключкин долго отрыгнул, поднялся, почесал чресла и, продолжая чавкать, ушел в уборную, чем Мария Сергеевна и воспользовалась, быстро подхватив плащ и выскочив из квартиры.

Обиженные

Виктор Валентинович настолько обиделся на Маргариту Валерьевну, что даже отказался откусать приготовленный ею суп.

Это, конечно, жутко разозлило Маргариту Валерьевну. Она назвала Виктора Валентиновича болваном и пребольно стукнула его по голове грязной поварешкой.

Тогда Виктор Валентинович обиделся еще сильнее, и, назвав Маргариту Валерьевну глупой дурой, бросил в нее тарелку с супом, которая, разбившись об стену, начисто заляпала новое вечернее платье Маргариты Валерьевны.

Маргарита Валерьевна, от таких закидонов Виктора Валентиновича, назвала его свиной и бросила в отместку кастрюлю с супом, которая пребольно попала Виктору Валентиновичу в голову и слегка обварила супом лицо, уши и причинное место.

Виктор Валентинович, совершенно потерявши от возросшей обиды голову, после некоторой беготни с подвываниями по квартире и замачивании ожогов марганцовкой, назвавши обидчицу распутной бабой, хватил Маргариту Валерьевну дубовым креслом, разломав его об ее спину.

Тут, конечно, Маргарита Валерьевна возмутилась окончательно и, назвавши Виктора Валентиновича суррогатным козлом, так отходила его тяжелой чугунной сковородкой, что Виктор Валентинович на некоторое время совершенно перестал что-либо соображать в целом и разговаривать в частности.

Видя плачевное состояние Виктора Валентиновича, Маргарита Валерьевна сжалилась над ним и, назвавши сирым и убогим, ласково погладила его по обваренной и проломленной в нескольких местах голове.

От такой ласки, Виктор Валентинович совершенно остыл и успокоился и, назвавши Маргариту Валерьевну гадиной, заулыбался и заключил ее в свои объятья.

После они поцеловались и, перекусив остатками вчерашнего ужина, удалились в опочивальню.

Поменялись

Виктор Никанорович отправился в гости к Петру Васильевичу, но не застал того дома, отчего немного обиделся, так как Петр Васильевич сам же его и позвал не далее как третьего дня. Впрочем, сказать, что он не застал Петра Васильевича, будет не совсем правильно, так как Петр Васильевич на самом деле был дома и сидя за дверью, тихонько хихикая в кулак и показывая язык в замочную скважину, попросту не стал открывать дверей. Но Виктор Никанорович конечно ни о чем таком не догадывался, а потому просто решил, что того нет дома.

Поскучав немного в подъезде, Виктор Никанорович, вырезав перочинным ножиком на дверях Петра Васильевича различные нехорошие слова и пожелания хозяину дома, и подпалив тому почтовый ящик со свежими газетами, отправился восвояси. Он, правда, подумывал, еще было, нагадить Петру Васильевичу на коврик, но тут возмутилась соседка, подсматривающая в замочную скважину. Поэтому Виктору Никаноровичу пришлось спешно покинуть подъезд, на ходу застегивая штаны.

Когда он ушел, Петр Васильевич выглянул из-за дверей и, увидев учиненные тем безобразия, твердо порешил требовать сатисфакции, для чего прихватив старенькую берданку, отправился в гости к Виктору Никаноровичу. Однако, выйдя из подъезда, Петр Васильевич почувствовал острое разочарование и глубокую обиду, так как совершенно ясно вспомнил, что не имеет ни малейшего понятия о том, где, собственно, проживает Виктор Никанорович.

Сокрушенно вздохнув, Петр Васильевич вернулся обратно, но к собственному удивлению совершенно не смог попасть в квартиру, так как ни один ключ не подходил к подозрительно новым замкам. На звонки, стуки и стрельбу из берданки по двери ни кто не отвечал, и поэтому Петр Васильевич решив, что никого нет дома, вырезал на двери нехорошие слова, поджег газеты в почтовом ящике и, нагадив на коврик, гордо удалился.

Соседка, конечно, хотела помешать ему в этом, но, заметив в руках Петра Васильевича берданку в диспут вступить не стала.

А Виктор Никанорович, меж тем, сидел за дверью и, тихонько хихикая в кулак, показывал язык в замочную скважину.

Вкусное мясо

Виктор Николаевич сидит за столом и кушает мясо с гарниром. Мясо очень вкусное, но без махонькой стопки водочки, налитой из запотевшего графинчика, идет не очень хорошо. Оттого осторожно немного налив, Виктор Николаевич оттопыривает мизинец и аккуратно взявши стопочку подносит ее ко рту.

Но выпить не успевает, так как распахиваются двери и в столовую буквально врывается Маргарита Петровна в невообразимом наряде. Она, размахивая руками, прыжками допрыгивает до стола, корчит Виктору Николаевичу сатанинскую рожу, выхватывает стопку и со всего маху швыряет ее в стену, от чего стопка разлетается на сотню осколков. Засим, проревев нечто нечленораздельное, Маргарита Петровна прыжками покидает столовую, громко хлопнув дверьми.

Виктор Николаевич некоторое время сучает в легком шоке, пуская слюну из открытого рта прямо в тарелку с мясом. Затем, немного придя в себя, он осторожно выглядывает за двери и, не обнаружив там экстравагантную Маргариту Петровну, возвращается к столу, с целью продолжить прием пищи. Мясо по-прежнему очень вкусное и по-прежнему идет не очень хорошо, и ввиду отсутствия стопочки Виктор Николаевич решает отпить непосредственно из запотевшего графинчика. Оттопырив мизинец, он аккуратно берет графинчик за горлышко и подносит ко рту...

Придя в себя от очередного шока, Виктор Николаевич вытер слезы, стряхнул с себя осколки графинчика, хватил тарелку с мясом об стену и растоптал гарнир. Затем в гневе перевернул стол, выбросил стул в окно, изорвал на себе манишку и ушел из дома, громко хлопнув входными дверями...

Зря стушевался

Петр Петрович, выкушавши графинчик водочки под соленые грибки, сидел теперь развалившись на стуле, и с благодушной улыбкой слушал благоглупости, которые тараторила раскрасневшаяся после бутылки красного вина Ольга Семеновна.

– Экая курва, – думал Петр Петрович, рассматривая Ольгу Семеновну, – Посмотри только, как языком метет! Что бы ты, интересно, запела, ежели бы тебе вилокю в глаз тыкнуть?

Петр Петрович с сомнением покосился на вилку, но эксперимент ставить не стал, а откупорил второй графинчик и бутылку красного.

– Давайте-ка, любезная Ольга Семеновна, хватим с вами на брудершафт! – сказал он, разливая напитки по граненым стаканам.

Ольга Семеновна на секунду остановила поток красноречия, согласилась, они выпили, трижды облобызались и Петр Петрович вновь благодушно раскинулся на стуле, а Ольга Семеновна открыла плотину красноречия.

– Нет, – подумал Петр Петрович, – Пожалуй, вилка в глаз – это безвкусица. Да и потом: как лежать в одной постели с дамочкой, у которой из глаза бесцеремонно торчит вилка? Можно и самому невзначай в потемках наткнуться...

Петр Петрович с сожалением вздохнул и предложил Ольге Семеновне еще раз выпить на брудершафт.

Ольга Семеновна было согласилось, но тут ее стало безудержно тошнить, и она убежала в уборную.

– Вот черт! – вслух выругался Петр Петрович, – Надо было все-таки не тушеваться – все равно не видать мне нынче ночью любовных утех!..

И в этом он был совершенно прав.

ОХОТНИЧИЙ СОН

Виталий Сергеевич кимарил, уютно расположившись в любимом кресле. Снилось Виталию Сергеевичу, будто он на охоте в самой настоящей тайге. И преследует он не какую-нибудь, там, захудалую дичь или, к примеру, паршивого зайца, а что ни на есть самого настоящего медведя. Да такого медведя, что любой охотник позавидует!

И вот снится Виталию Сергеевичу, что он уже настиг свирепого зверя. И тот, видя, что бегство бесполезно, повернулся к охотнику и, встав на задние лапы, оскалился и угрожающе заревел.

Но не прост Виталий Сергеевич! Ревом его не запугаешь! Когтистыми лапами на испуг не возьмешь! Свирепым оскалом в дрожь не вгонишь!

Встал бесстрашно Виталий Сергеевич наизготовку, хрустнул суставами, сыграл мышцами, и уже намеревался, было, расправиться с грозной добычей, как... получил наяву по морде газетой, отчего проснулся и ссыпался с кресла.

– Да ты охренел, Виталий Сергеевич! А ну пшёл на место! Пока линять не прекратишь – что б я тебя, кобель лохматый, в комнате не видел! Ишь мне!

Стыдоба

- Виталь Семеныч, в магазин пойдете, так вы хлеба купите.
- Да я как-то не собирался, Марь Васильна.
- Еще не забудьте сахару и к чаю чего-нить.
- Марь Васильна, говорю же, что не собирался я до магазину!
- Виталь Семеныч, там колбаски какой-нить присмотрите. Грамм четыреста. Только уж смотрите, голубчик, чтобы не просроченная была. А то не дай бог потравимся.
- Марь Васильна, вы меня вообще слышите? Не иду я в магазин!
- А спички! Как же это я? Чуть не забыла! Так что купите, Виталь Семеныч, еще спичек, коробок пять. И пачку соли.
- Да что же это такое?
- И смотрите – не вздумайте, там, водочки или вина купить! А то я вас знаю! Только то, что я сказала! И сразу домой!
- О боже!..
- А впрочем, я лучше сама схожу. А то знаю я вас мужиков – мимо виноводочного ни за что не пройдете. А потом ищи вас. И продуктов не принесете, и рожа омерзительная. Так что сидите уж, скучайте, коли вам и такого пустякового дела доверить нельзя. Эх, стыдоба...

Витиеватое благоразумие

Петр Семенович до смерти любил Марию Витальевну, а та, в свою очередь, была без ума от Константина Львовича, который отвечал ей взаимностью. Так что Петр Семенович от своей безответной любви сильно страдал.

А тут еще Мария Витальевна подлила масла в огонь, как-то мельком сказавши, что если бы Константин Львович не испытывал к ней ответных чувств, то, пожалуй, у Петра Семеновича появился бы некоторый шанс на успех.

Тут, конечно, Петр Семенович слегка ошалел, и решил, было, Константина Львовича пристрелить, но благоразумие все ж таки восторжествовало, хотя и несколько витиеватым образом: Петр Семенович переоделся Марией Витальевной и поперся к Константину Львовичу, рассчитывая наговорить тому всяческих мерзких гадостей, как бы от лица Марии Витальевны, после которых Константин Львович, безусловно, изменит свое отношение к этой даме. То есть вначале Петр Семенович планировал вырядиться Константином Львовичем и с той же целью пойти к Марии Витальевне, но врожденная вежливость по отношению к дамам, не позволила бы говорить гадости ей прямо в лицо.

И вот, значит, приперся Петр Семенович под личиной Марии Витальевны к Константину Львовичу, а тот не только не разглядел подвоха, но и, не давши даже раскрыть рта, подхватил Петра Семеновича на руки и, покрывая его поцелуями, утащил в спальню, думая, что это натурально Мария Витальевна.

В итоге Петр Семенович таки добился определенного успеха: Константин Львович больше и слышать ничего не хотел о Марии Витальевне. Не слышать о ней, не, тем более, видеть ее.

Правда и сам Петр Семенович о Марии Витальевне более не помышлял, и на следующий день перебрался к Константину Львовичу со всеми вещами.

Что же до Марии Витальевны, то она так и прозябает в одиночестве, не веря больше не одному мужчине.

Во избежание

Василий Михайлович прогуливался вдоль берега реки, когда за приметил Льва Сергеевича, отчаянно барахтающегося в бурных водах.

«Какой странный этот Лев Сергеевич, – подумал Василий Михайлович, – Нормальные люди вдоль реки прогуливаются, а не вытворяют посереде нее черт знает что»

«Что ж ты вылутился, гад – подумал Лев Сергеевич, – Разве не видишь, курья твоя башка, что я отчаянно тону?»

«Глядите-ка, – подумал Василий Михайлович, – Этот любитель водных процедур мне еще и рожу изволит корчить!»

«Ну, – подумал Лев Сергеевич, – Дай бог только выплыть, я тебе рожу о камни измочалю!»

«Хм, – подумал Василий Михайлович, – А ведь измочалит же...»

И дабы избежать дальнейших неприятных инцидентов, Василий Михайлович довольно метко трижды выстрелил во Льва Сергеевича из револьвера.

Ритуал

Виталий Вениаминович раздобыл где-то по случаю воблы и, прикупивши холодного пива, и предвкушая приятно проведенный вечер, пришел домой. Расположившись перед телевизором, он расстелил газету на журнальном столике, наполнил немедленно бокал ледяной ароматной жидкостью и достал рыбину.

Пиво Виталий Вениаминович пил так: поднеся к носу холодный полулитровый бокал, он зажмурился и пару мгновений принюхивался к аромату напитка. После резко, в два-три глотка, выпивал содержимое, и еще несколько мгновений прислушивался к ощущениям, чувствуя как пиво холодной дорожкой достигает желудка. После делал глубокий вздох, откидывался на диване и некоторое время, блаженно улыбаясь, смаковал в мыслях оставшееся послевкусие. Теперь можно не спешить и спокойно наслаждаться: Виталий Вениаминович вновь наполнял бокал и уже пил его не спеша, маленькими глоточками, смакуя каждый пузырек пенного напитка.

Вот и сейчас, после ритуального первого полного бокала, он наполнил по новой и, отпивши пару малюсеньких глотков, отставил его в сторону и закурил: процесс не имел право на суету. Всему свой черед, а в особенности вяленой вобле, распространяющей приятный и очень притягательный запах по комнате, отчего Виталий Вениаминович в какой-то момент даже сглотнул слюну.

Когда сигарета докурена, на очереди еще пара-тройка маленьких освежающих глотков, после которых можно смело приступать к рыбе.

Виталий Вениаминович взял в руки воблу, слегка надломил ее, понюхал, блаженно улыбнулся и отвернул рыбине голову. После чего приступил к тщательной чистке. Тут Виталий Вениаминович тоже не терпел суеты: потягивая холодное пиво, он терпеливо очищал рыбу от чешуи и костей, выкладывая на газете рыбы составляющие. В одной кучке чешуя и кости, в другой мясо, и отдельное место на столе, рядом с коробком спичек, занял воздушный пузырь.

Теперь каждый маленький глоток пива заедался маленьким кусочком рыбы. И все происходило так душевно и органично, что казалось, будто бы блаженная улыбка навсегда поселилась на лице Виталия Вениаминовича.

Но вот мясо съедено. Виталий Вениаминович наполнил полный бокал. Некоторое время он принюхивался и, как и в первый раз, выпил его в два-три глотка. После некоторое время курил, размышляя о разных приятных вещах. А докурив, наполнил бокал снова и отставил его в сторону: пришло время пузыря.

Немилосердно обжигая пальцы, Виталий Вениаминович прожарил на спичках пузырь, мало обращая внимания на довольно сильный запах, после чего сделал пару глотков холодного пива и отправил сморщенный жирный комочек в рот и долго и с удовольствием его пережевывал, запивая маленькими глоточками ледяной жидкости.

На этом культурный вечер Виталия Вениаминовича, как правило, заканчивался и сменялся невероятными вакханалиями с друзьями в близ лежащем кабачке.

Водевиль

- Аполлинарий Огестови-и-и-ич, просыпа-а-а-айтесь!
- Хрм...
- Аполлинарий Огестович, голубчик, пора встава-а-а-ать!
- Хрм...
- Аполлинарий Огестович, просыпайтесь же, лежебока!
- Хрм...
- А вот кому-то сейчас не достанется вкусного за-а-а-автрака!
- Хрм...
- Аполлинарий Огестович, ну просыпайтесь же!
- Хрм...
- Ну, я так не играю, Аполлинарий Огестович!
- Хрм...
- Я сейчас обижусь на вас! Просыпайтесь немедленно!
- Хрм...
- Ну, Аполлинарий Огестович, ну миленький, ну я прошу вас!
- Хрм...
- Да просыпайтесь же, наконец!!!
- Ну что вы пристали, Глафира Семафоровна?
- А-А-А!!! БОЖЕ!!! ОНО РАЗГОВАРИВАЕТ!!!

Водитель Петров

Водитель Петров каждое утро подходил к троллейбусу, хватал его за дворники, притягивал к себе и нежно целовал в лобовое стекло, отчего троллейбус начинал неистово махать штангами, рассыпая разноцветные искры и создавая яркую дугу-радугу до самого поднебесья.

Зло

Евгений Петрович, широко улыбаясь, налил маленькую стопочку водки из запотевшего графинчика, помурлыкал что-то неопределенное, выпил, на секунду зажмурился, и тут же пронзил вилкой в вазочке маленький маринованный грибочек и закусил.

– Ах ты ж, лепота какая... – жуя грибок и при этом широко улыбаясь, пробормотал Евгений Петрович. – Однако неплохо бы повторить!

Он налил еще одну стопочку, помурлыкал, выпил, на секунду зажмурился, и тут же черпнул маленькой ложечкой из другой вазочки черной икры и закусил.

– М-м-м... – жуя и широко улыбаясь, промычал Евгений Петрович. – Ну что ты будешь делать? Ну, вот как?..

Он снова налил водки, опять помурлыкал, выпил и уже не жмурясь, тут же зачерпнул большой ложкой ароматного борща и закусил.

– Ходи оно конем! – восторженно воскликнул Евгений Петрович, зачерпывая вторую ложку борща. – Это же немыслимо!

К моменту, когда тарелка опустела, Евгений Петрович выпил еще пять стопочек водки и теперь, откинувшись на спинке стула, блаженно улыбался и немножко икал.

– Это же... ик так восх... ик тительно! И пу... ик сть кто... ик нибудь мне еще скажет, ик что водка ик зло!

С этими словами он выпил еще одну стопочку и прилег на диванчик, вздремнуть часок-другой.

Водяной

В весьма ранний час, когда солнце еще только намеревается посмотреть на мир, окутанный утренним туманом, Петр Семенович расположился на берегу озера с целью немного порыбачить.

Закинув снасть в воду, он отхлебнул из припасенной фляжки немного коньяку, закурил папироску, и стал наблюдать за поплавком, не подающим никаких признаков жизни.

Но этот факт несколько не беспокоил Петра Семеновича, скорее наоборот – неподвижность поплавка способствовала легкому медитативному состоянию, отчего Петр Семенович, не имея в голове ни одной ненужной мысли, блаженно улыбался, прислушиваясь к мягкому плеску воды и тихому щебетанию лесных птиц.

Прилетевшая невесть откуда зеленая стрекоза деловито покружила над поплавком и, видимо приняв его за какую-нибудь травину, со всего размаха уселась на него, отчего легкий поплавок нырнул в воду. Такое положение дел стрекозу явно не устраивало и она улетела восвояси. Однако поплавок на поверхности не показался.

«Хм» – подумал Петр Семенович и немного дернул леску. Но поплавок не всплыл. Тогда Петр Семенович поднял удочку, думая проверить наживку и перебросить снасть, но удочка лишь выгнулась дугой.

– Что за черт? Коряга что ли? – пробормотал Петр Семенович и дернул за леску посильнее. Но тщетно: видимо крючок и вправду довольно крепко за что-то зацепился.

– Твою же ж!.. – выругался Петр Семенович.

Он отхлебнул немного из фляжки, и похлопал себя по карманам в поисках коробки с запасными крючками и грузилами. Найдя ее, он положил ее подле себя и со всей силы потянул за леску.

– Крепкая зараза! – подумал Петр Семенович и вдруг явственно ощутил, что с обратной стороны кто-то тоже дернул за леску, да с такой силой, что он не устоял на ногах и кувыркнулся в воду.

Ошалело выскочив на берег, Петр Семенович схватил здоровенный камень от старого кострища и метнул его в то место, где когда-то был поплавок и тут же снова дернул за леску. Камень бултыхнулся в воду, подняв тучу брызг, и тут же вылетел обратно прямехонько в Петра Семеновича. При этом кто-то снова сильно дернул за леску и Петр Семенович, успев получить камнем по ноге, вновь свалился в воду.

Выбравшись ползком на берег, Петр Семенович немного отдышался, осушил фляжку до дна и попытался раскурить промокшие папиросы.

– Вот черт! И курить теперь нечего! Совсем ошалели, чтоб вас!..

Петр Семенович в сердцах сплюнул, отбросил промокшую пачку, поднялся на ноги, и, прихрамывая, пошел домой, оставив вещи и удочку валяться на берегу...

Светофор

Дмитрий Петрович остановился на красный свет светофора.

– Странно, – сонно пробормотал Дмитрий Петрович и отчаянно зевнул. – Что-то я не припомню, чтобы раньше тут был светофор...

Светофор меж тем засветил желтым и погасил красный, но как только Дмитрий Петрович стал отпускать сцепление, светофор на секунду моргнул зеленым и сразу врубил красный.

– Тьфу ты, черт! – выругался Дмитрий Петрович. – Кажется, я еще не окончательно проснулся...

Светофор снова засветил желтым, погасил красный и... снова зажег красный фонарь.

– Не понял?.. – удивился Дмитрий Петрович, – Что еще за хрень? Сломался что ли?

Светофор будто услышал Дмитрия Петровича и на секунду подмигнул зеленым.

Дмитрий Петрович посмотрел по сторонам: кроме него на дороге больше никого не было, и тогда он потихоньку тронулся. И как только поравнялся со светофором, тот замигал всеми огнями и выпрыгнул на середину дороги.

– Ёлки твою к псам!!! – вскричал Дмитрий Петрович и ударил по тормозам.

А светофор отмолил вот что: мигая в хаотическом порядке всеми фонарями, он стал скакать на своей стальной ноге вокруг машины Дмитрия Петровича, периодически откалывая пируэты с переворотами, отчего страшно пораженный Дмитрий Петрович почувствовал себя плохо.

– Что же это делается, господи? – прошептал он, протирая глаза.

А светофор еще пуще прежнего стал выделять коленца.

– Ах вот ты где! Стой, зараза! – раздался крик.

И из придорожных кустов выскочили два мужика в оранжевых жилетках.

Один из них очень умело накинул на светофор лассо, а другой прыгнул на светофор сверху и совместными усилиями они завалили его на землю.

– Попался, гад! – удовлетворенно сказал один из мужиков, деловито связывая светофор веревкой, тогда как другой натягивал на мигающие фонари холщовый мешок.

Обездвижив шальное устройство, мужики взвалили его на плечи и скрылись в кустах.

А Дмитрий Петрович, изрядно обмочив одежду слюнями, вытекающими из открытого рта, ущипнул себя за щеку, тряхнул головой, огляделся и надавил на газ.

Вольдемар

Вольдемар спал в кресле.

Нельзя сказать, что бы кресло имело преимущества в удобствах, по сравнению с диваном или кроватью, но, тем не менее, Вольдемар отдавал предпочтение именно ему.

Елизавета Петровна давно уже махнула рукой на то, что бы заманить Вольдемара на кровать. То есть, собственно, он, конечно, ложился с ней, но как только она засыпала, он тихонько вылезал из-под одеяла и шел на кресло.

Взобравшись на него с ногами, Вольдемар сворачивался калачиком и немедленно засыпал. И снились ему, как правило, разного рода гастрономические изыски, и иногда мыши, которых, к слову, Вольдемар сильно недолюбливал.

А утром, по звонку будильника, Вольдемар мягко спрыгивал с кресла, сладко потягивался, и, посетивши уборную, умывался, пил кофе, пуская клубы табачного дыма, после чего одевался и отправлялся на службу.

Нехорошо получилось

Решил как-то раз Афанасий Степанович разыграть Егора Кузьмича, а поскольку особо буйной фантазией Афанасий Степанович не обладал, то при встрече с Егором Кузьмичом сказал тому, что у него вся спина выпачкана птичьим пометом.

Егор Кузьмич здорово обиделся на Афанасия Степановича, и даже пару раз пнул уже лежачее мертвое тело. Но придя домой обнаружил, что макинтош и в правду изрядно загажен птицами.

– Ах, как нехорошо получилось, – думал Егор Кузьмич, отмывая руки от крови, – Я-то подумал вон что, а оно вон оно как!

Воробы

Утро Виталия Тимофеевича было испорчено самым пренеприятнейшим образом: только он удобно расположился на веранде в кресле-качалке, с целью откушать кофею за прочтением утренней прессы, как его совершенно бесцеремонно обгадили вороватого вида воробы: натурально на голову, на свежие газеты и, что уж совсем ни в какие ворота – в чашку с кофеём.

Виталий Тимофеевич настолько поразился хамскому поведению пернатых, что долгое время молча сидел, дергал глазом и силился сообразить какое-нибудь подходящее ругательство. Но кроме каких-то совершенно неуместных «за сим благоволите» и «разлились темные воды Ганга», ничего подходящего к данному случаю на ум не шло.

В конце концов, Виталий Тимофеевич плюнул в сердцах на пол и, сходявши в дом, вернулся со старенькой двустволкой, из которой начал методично обстреливать обидчиков, производя в крыше и стенах веранды впечатляющие дыры, но никоим образом не нанося ни малейшего вреда супостату. Причем казалось, что досадные промахи только еще более раззадоривают птиц, отчего те с чириканьем, более похожим на злорадный смех, устроили хаотичную чехарду вокруг Виталия Тимофеевича, не забывая при этом довольно метко его бомбардировать, чем довели того до совершеннейшего исступления.

Виталий Тимофеевич в ярости с рычанием палил дуплетом во все стороны, ухитряясь при этом рвать на голове остатки изгаженных волос. Когда патроны иссякли, он взялся за топор и буквально искрошил им в клочья остатки веранды. Когда с верандой было покончено, Виталий Тимофеевич изорвал на себе одежду и, облив стены дома со всех сторон бензином, чиркнул спичкой...

С тех пор, многие перепуганные жители окрестных деревень рассказывали о нагом волосатом чудовище, которое, потрясая кулачищами и сверкая страшными глазами, еже-нощно бродит по лесам и пугает округу нечленораздельным рычанием и угнетающим воем...

Страховка

Вот комната в коммунальной квартире. Вот стол в центре комнаты в коммунальной квартире. Вот стул на столе в центре комнаты коммунальной квартиры. Вот человек стоящий на стуле, который стоит на столе в центре комнаты в коммунальной квартире. Вот привязанная к люстре веревка, покоящаяся петлей на шее человека стоящего на стуле, который стоит на столе в центре комнаты в коммунальной квартире.

Зовут этого человека – Семен Поликарпович Суровый. И в данный момент Семен Поликарпович делает не то, о чем вы возможно подумали, а банально меняет лампочку в люстре. А веревка на шее – это страховка, на случай если стул или стол не выдержат веса Семена Поликарповича и развалятся. И тогда Семен Поликарпович не упадет на пол, и не нанесет себе тяжелых увечий и переломов, а преспокойно повиснет на веревке и будет ждать, когда в комнату по обыкновению зайдет сосед-алкоголик, с целью в очередной раз стрелкнуть четвертной до аванса, и поможет Семену Поликарповичу благополучно спуститься на пол.

Такие дела.

Вот так-так

– Вот так-так, – подумал Иван Лукич, рассматривая отражение своего лица в зеркале. – Кто-бы это мог быть?.. Хм... Не припомню... А если так?

Иван Лукич выпучил оба глаза, да так, что казалось еще самую малость, и они просто выпадут из глазниц. Затем вывернул губы, так что верхняя налегла на кончик носа, а нижняя полностью скрыла подбородок. И, наконец, он перевернул вставную челюсть и высунул язык, свесивши его набок на собачий манер.

– О! Фыфавно! Фафота! – обрадовано, но не совсем понятно, воскликнул Иван Лукич, и, присевши на корточки, кубарем укатился в уборную.

И больше его никто и никогда не видел.

Сговоривши

Филимон Семенович пошел как-то в гости к своему старому приятелю, да не застал того дома – тот третьего дня как помер и уехал на городское кладбище.

– Экая неприятность, – пробормотал Филимон Семенович и пошел в гости к другому своему старому другу.

Тот друг, к вящей радости Филимона Семеновича, оказался дома. Он слушал рыдания и причитания друзей и близких, лежа в гостиной в красном гробу.

Поняв, что погостить не удастся, Филимон Семенович, посетовав на очередную неприятность, направился еще к одному старому приятелю и застал того, когда его уже выносили из дома в деревянном макинтоше.

– Они – сговоривши что ли? – пробормотал Филимон Семенович и поехал на такси к своей старой подруге. Та лежала при смерти, и Филимону Семеновичу удалось погостить у нее целых полдня. После чего он поехал домой, размышляя о непорядочности своих старых приятелей...

Вы меня понимаете?

Ветрогонов буквально ворвался в гостиную и, подбежав к Анне Кузьминичне, схватил ее за руки.

– Ах, Анна Кузьминична, я не могу больше молчать! Я молчал, но больше не могу! Всё! Баста! Пришло время всё вам рассказать! Всё, о чем я молчал! Больше никаких молчаний! Только слова! Только откровенный разговор! Вы меня понимаете?

– Ветрогонов, вы белены объелись? Я вас вообще не понимаю! Что вы хотите?

– Ах, Анна Кузьминична! Ну как же вы не понимаете? Я все это время молчал, но теперь пришло время заговорить! Я должен рассказать вам всё! Вы слышите? Всё! Хватит молчаний! Долой запертые уста! Да здравствует откровенный разговор! Вы меня понимаете?

– Все, что я поняла, так это то, что вы хотите мне что-то рассказать. Правильно?

– О, да! Да, Анна Кузьминична! Вы уловили самую суть! Я хочу вам всё рассказать! Долой играть в молчанку! Пришло время говорить! И я не могу больше молчать, и поэтому расскажу вам всё! Вы меня понимаете?

– Ветрогонов, вы, часом, головой не бились? Если вы хотите мне что-то рассказать, то рассказывайте, а не морочьте мне голову! А то заладили...

– Ах, как вы правы, Анна Кузьминична! Довольно лишних слов! Довольно этого ненужного разглагольствования! Что такое, в конце концов, слова? Так, пшик! Хватит уже бессмысленных разговоров! Долой это пасмурное словоблудие! К черту ненужную трескотню! Даешь золото молчания! Вы меня понимаете?

– Ветрогонов, вы – идиот? Что, черт возьми, вам от меня нужно? Убирайтесь к чертовой матери, псих ненормальный!

– Ах, Анна Кузьминична! Я... Мне... Да вы же... Ах, Анна Кузьминична! Вы меня все-таки не понимаете! Ах!

Ветрогонов обхватил себя за плечи и бросился вон из гостиной, зашибившись по пути о дверной косяк своей беспокойной головой.

Как хорошо!

Прогуливался как-то Дмитрий Егорович по лесу. Дышал различными ароматами, слушал щебетание птиц, и думал о том, как хорошо, в сущности, что он оказался здесь, а не, скажем, на дне реки или какого-нибудь болота, как это частенько случалось, когда он нечаянно выпадал из самолета.

Кажись...

Гаврила Егорович, страшно удивился, когда по средь бела дня словил головой упавшую с крыши сосульку.

– Однако!.. – пробормотал он, почесывая ушибленную голову. – Кажись зима...

И тут он удивился вторично, споткнувшись о цветущую клумбу и упавши лицом в лужу.

– Однако!.. – пробормотал он, обтирая лицо от грязи. – Кажись лето...

Он с трудом поднялся на ноги и тут же удивился в третий раз, поскользнувшись на давешней сосульке и упав в сугроб.

– Однако!.. – пробормотал он, почесывая оцарапанное о твердый наст пузо. – Кажись зима...

Тогда Гаврила Егорович решил более не рисковать и, не поднимаясь на ноги, потихоньку пополз в сторону дома.

Он полз по лужам, цветущим лужайкам, продирался сквозь сугробы, ловил головой сосульки, вновь попадал в грязь и лужи и, в конце концов, окончательно выбившись из сил, распластался на песчаном бархане и... проснулся.

– Однако!.. – пробормотал он, растирая сонное лицо. – Кажись сон...

Непредвиденное «если»

Павел Андреевич решил так: если первым посетителем будет женщина, то он выпьет вечером вина, а если мужчина – то тогда пива с водкой. Если посетителей не будет вовсе, то однозначно коньяк. А если...

Но четвёртое «если» Павел Андреевич додумать не успел, так как дверь отворилась, и в кабинет вплыло (именно вплыло!) оно – эдакий карточный дама-король.

Ну, то есть, сверху это была вполне себе симпатичная дама, а снизу – натуральный бородатый король. Перевернутый. Причём король совершенно не по-королевски лужгал семечки и сплёвывал под себя шелуху, да так, что засорил себе все волосы и порядком изгадил корону.

Дама хоть и была на первый взгляд симпатичной девицей, но при ближайшем рассмотрении обнаруживала плохо замаскированный бланш под глазом, и источала невозможное амбре низкокачественной сивухи. Одним словом тоже далековато до голубых кровей.

И вот это оно подплыло к столу Павла Андреевича, в два рта громко икнуло и в две же глотки хрипло произнесло:

– А где Какис?

– Какой Какис?.. – пролепетал прибывающий в лёгком ступоре Павел Андреевич.

– Он спрашивает! – воскликнула дама, обращаясь к королю.

– Поверни-ка меня, Изольда – ща я ему обрисую «какой»! – прохрипел король и длинно сплюнул сквозь зубы в Павла Андреевича, попав тому на пиджак.

– Не надо, Серж – он и сам вспомнит, – сказала дама и неприятно улыбнулась Павлу Андреевичу. – Ведь, правда, пупсичек? Ведь вспомнишь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.